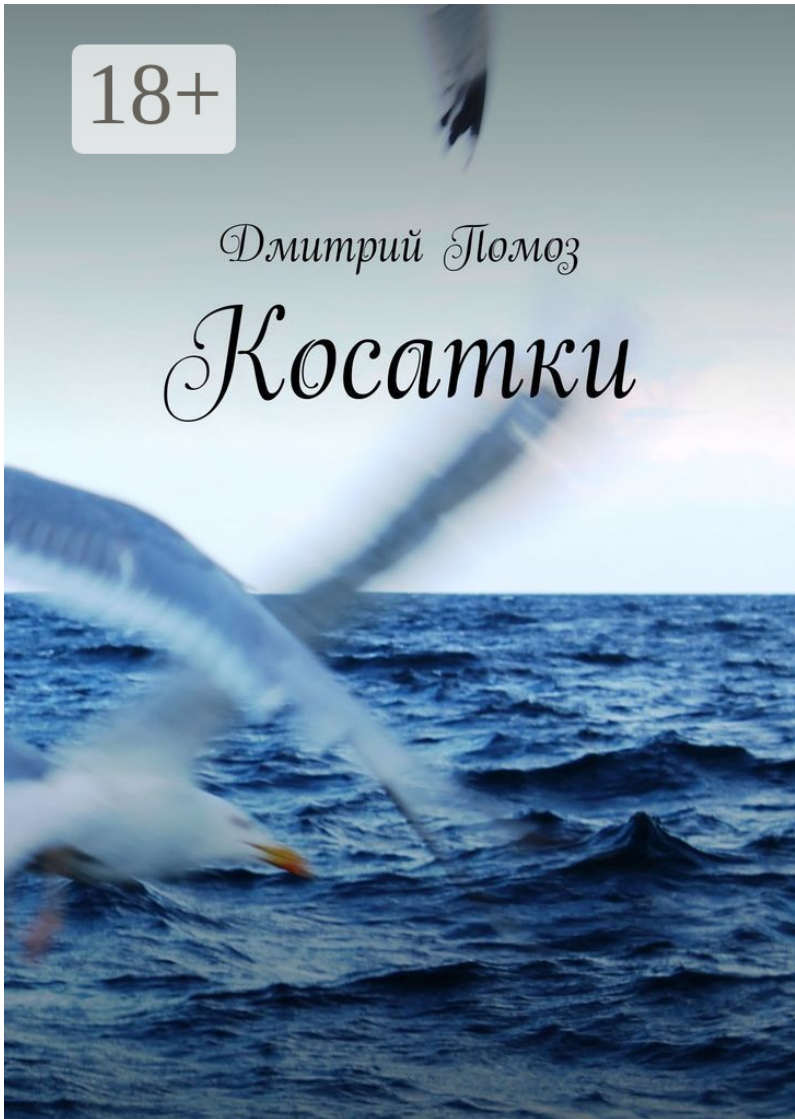

18+

Дмитрий Пломоз

Косатки

Дмитрий Помоз

Косатки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49788702

ISBN 9785005019974

Аннотация

О чем «Косатки»? О нас. Косатки – это мы. Три сюжетных линии, три разных жизни незнакомых друг другу людей: матери-одиночки с больной дочерью, молодой семейной пары и провинциального депутата, которые пересекаются, не касаясь друг друга. «Косатки» о справедливости, о ценностях, о счастье, о непредсказуемости и, конечно же, о неизбежности. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

КОСАТКИ	5
1. Мы	7
2. Андрей	52
3. Благодетель	97
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Косатки

Дмитрий Помоз

© Дмитрий Помоз, 2020

ISBN 978-5-0050-1997-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Я был уверен, раз в книгах можно создавать бесконечное количество новых миров, – а это бесспорный факт, то с помощью них можно влиять и на судьбы людей.

Но это не так.

Всем вам: всем тем, кому я был, есть, или буду не судьбой.

Ты читаешь эту книгу, и разговариваешь со мной.

Ведь, правда же?

КОСАТКИ

Предисловие.

Многие говорят, что религия – одна из величайших афер человечества. Кому-то она приносит богатство и власть, а кому-то покаяние и разорение. Может быть. Все может быть. Но все-таки, религия еще не принудительна в основной массе общества, а бога пока что нельзя ни увидеть, ни потрогать, находясь в здравом уме и рассудке.

Чего не скажешь про политику.

Все гениальное просто, именно поэтому политика – самая гениальная афера человечества над самим собой. Богов политики все видят и знают, а кто-то даже хвастается, что лично прикасался к ним как минимум через пять рукопожатий.

А еще всем известно (тем, разумеется, кто находится в здравом уме и рассудке), что боги политики никогда не говорят правду. Ну, кроме тех случаев, когда угрожают замочить кого-нибудь в сортире. В этом и кроется феномен политической простоты: общество прекрасно знакомо со своими богами, оно в курсе тотальной лживости их проповедей и исповедей; но понимать, где ложь – это совсем не то же, что чувствовать, где правда.

А правда очень нужна человеку. Только с помощью правды человек может правильно ориентироваться в простран-

стве. А без неё, неизбежно теряя ориентиры в океане лжи, общество путается мнительностью, паникой и страхом – лучшими вожжами политических богов. Тот же, кто чувствует правду и не хочет теряться в пространстве – пропадает сам. Совсем. От политики, как и от судьбы – не уйдешь.

1. Мы

Свет настольной лампы выкраивал из темноты худое тело, похожее на плитку когда-то готового ко всему пластилина, которую огромными ладошами жизни скатало почти в бесформенную трубку.

Надежда Орфаник – женщина с иконы. По крайней мере, именно так за спиной называли ее знакомые и не очень люди. Может быть, эта ассоциация прилипла к ней из-за ее необычайно симметричного, буквально вылепленного из гипса овала лица с выразительным взглядом голубых глаз, идеально прямым, чуть вытянутым носом, и копной пшеничных, ни разу не крашенных, и похоже, никогда не распускаемых из хвоста волос. А еще из-за ее кожи – белесой, с восковым блеском.

Но, скорее всего, истинной причиной была все-таки не ее внешность.

За спиной женщины, крепко укутанная сном, сопела тринадцатилетняя начинающая девушка. Ее дочь. Сама Надежда сгрудилась над стареньким ноутбуком. Она открыла страницу форума, который когда-то давно, почти что в прошлой жизни дал ей одну из спасительных нитей. По краям выбранной страницы медленно загружались рекламные баннеры, предлагавшие уже к утру стать миллионером, счастливым, и увеличить себе все, что угодно, кроме уровня ай кью.

Будучи женщиной высоких моральных принципов и старой советской закалки, Надежда проигнорировала их навязчивое мелькание, сосредоточив ослабевший взгляд на потерянной клавиатуре.

Помимо того, что ей трудно давались правильно сложенные мысли и предложения, так еще когда нужное слово, вроде бы, попадалось на крючок языка, в полумраке комнаты она едва находила клавиши с необходимыми регистрами. В который раз жалея, что так и не приобрела себе новые очки взамен разбитых старых, просто потому что у нее не было лишних денег, она обернулась, поймав дальнотворным кивком завернутое в кокон одеяла, безмятежно сопящее тельце своей дочери, и улыбнулась. Улыбнулась сразу на все. На невозможность купить очки, на свое отвратительное зрение, на старую однушку на окраине, на крохотную зарплату и ужасную погоду – на все разом.

Писать в интернете легче, чем писать живое письмо одному конкретному человеку, или ему же говорить то, что хотел бы перевести на бумагу. У личных посланий есть адресат, лицо, а значит, куда больше ответственности. Но бывают такие исключения, когда в результате одной и той же причины все переворачивается с ног на голову. Тебе нужно написать всем, тысяче человек, но это так лично, что твоему посланию нужно конкретное лицо. Именно с такой проблемой столкнулась Надежда. Текстовый курсор мигал на экране, а за ним не могло уцепиться ни единого слова. Тот то

и дело сбивал их со строчек, как шар кегли: С-с-т-р-р-а-а-а-й-к, с-с-т-р-р-а-а-а-й-к-к!

Тогда Надежда решила вспомнить свое лицо. Но только то, которое она носила всего несколько лет назад. Лицо матери на пике отчаянья. Фигуру человека скомканного ладонями жизни, смятого до стержня, и из последних сил старящегося не надломиться.

Текст в окошке для сообщений стал набираться сам собой:

«Здравствуй, дорогая мама «особенного» ребенка! Сейчас почти час ночи, а в твоём городе, может, и позже. А ты все не спишь. Не получается. Как я тебя понимаю, как я все помню. Но поверь мне, поверь, потому что так надо, а не оттого, что искренне готова – все пройдет, все изменится! Все будет правильно!

Видишь, у нас уже все в порядке, потому что когда-то «тогда», я сама поверила! Через силу. А теперь мне уже больше не нужно верить, и я хочу передать свою веру Тебе.

Моей дочери в этом году исполнилось тринадцать. Не правда, что тринадцать – несчастливое число! Это был наш самый счастливый День Рождения за последние пять лет.

Все началось во втором классе. Господи, она тогда носила два огромных банта – один желтый, а второй бледно-розовый – и все никак не хотела их снимать.. Как же она их любила.. как же она любила жизнь! Она и теперь ее любит. Да-

же еще больше. Но тогда, почти шесть лет назад сама жизнь почему-то нас разлюбила. Прости меня, если непонятно, или не по делу пишу, я простая учительница истории.

Ну, вот я снова плачу.. Не знаю, почему.. Просто плачу и все. Я же сильная женщина, а сильным женщинам как раз только по ночам и можно плакать..

Но тогда я не была сильной. И плакала, когда пожелаю. Вот и после первого Дашенькиного приступа – он случился прямо на уроке физкультуры – я расплакалась сидя с ней в обнимку, прямо в футбольных воротах.

Сомнений в эпилепсии практически не было. Учительница физкультуры подробно рассказала про резкую потерю ориентации во время занятия, судороги, пену изо рта и потерю сознания.

Мы всегда боимся за наших деток больше, чем они за себя сами.. Наверное, потому что больше них воображаем. Так же, как они больше нас самих за нас радуются.. потому что больше воображают. Вот и я тогда сразу такого себе навоображала, а Дашка сидела, оперевшись на эту дурацкую штангу, и сама меня успокаивала.

А потом начались врачи.. Врачи, как и учителя.. оказалось, бывают настоящие, а бывают «знаете, сколько у меня таких, как вы? Прием окончен». Это сейчас мы с тобой прожили, каково это – искать причины болезни, зная, что они могут прятаться в детских простудах, старых сотрясениях или потрясениях. И что искать эту причину – все равно, как

еще одну жизнь перемолоть.

Силы и время – вот что я тогда стала ценить дороже золота. Мы приходили домой после очередного МРТ, ЭКГ, ЭЭГ и других аббревиатур, и я ненавидела себя за то, что никто не может нам помочь. Еще я как никогда крепко жалела, что у нас больше нет нашей опоры, нашего Коленьки. Моего мужа. Он безвременно скончался за год до нашего первого приступа. Но он же не специально, не мог же он знать, какой кошмар ждет нас впереди..

Обследования продолжались. Я стала замечать судороги дочки и вспомнила, как нечто похожее случалось с ней задолго до первого приступа. Значит, он не был случайным. Я пообщалась с невропатологом одной их клиник, и мои догадки подтвердились. И я возненавидела себя еще больше. За невнимательность, за глупость, за все. Доктор выписала нам несколько курсов лекарств против спазмов, но они не устраняли припадки. Наша с дочкой жизнь превратилась в ад. И каждый раз, когда я думала – хуже уже некуда, жизнь спешила меня поправить.

Не делая моей дочери заметно лучше, лекарства донимали ее побочными эффектами. Мы часто пропускали школу, большую часть дня она спала или отдыхала. Ее мучали постоянные перепады настроения, доходившие до нашей общей депрессии. Ее тошнило, она боялась просто своих мыслей и окружающего мира. Казалось, этому не будет конца. Это и есть конец.

Нет, я не опустила руки, я же мама.. Но и что делать, тоже не представляла. Я не спала ночами, и лишь перебивалась короткими передышками между уроков или в транспорте. Но только, когда была одна. Приступы все чаще наступали Дашеньку, куда бы мы не пошли.

Так прошло несколько лет.

До чего же странно.. теперь мы вспоминаем это время просто, как «несколько лет», как будто бы несколько лет назад ездили на какой-нибудь десятиминутный аттракцион страшилок, и уже почти не помним, каким он был. Просто оттого, что он нам не понравился. Но ведь это неправда. Это была целая настоящая жизнь, а не какой-то там аттракцион.

Однажды летом, ко мне в учительскую пришли родители лучшей подружки моей Дашеньки (Дай бог им всем здоровья!). Они назначили мне встречу вне школы. Там мы встретились не только с ними, а еще с одним хирургом. Он рассказал о том, что существует такой аппарат – стимулятор блуждающего нерва. Он устанавливается операционным способом – пояснил он. Аппарат имплантируется под кожу в грудной клетке, а его проводки протягивают по шее к блуждающему нерву. А потом он начинает бить нерв током, стимулируя его. И от этого моей дочери должно стать лучше.

В первый же миг я отказалась, но полностью не отпустила этот шанс. Знаешь, когда кажется, что выхода нет, начинаешь хвататься за любой брошенный тебе предмет, мечтая, что именно он может стать твоим спасательным кругом.

Поэтому я решила все рассказать Дашеньке, и обсудить это с ней.

В конце концов этот аппарат мы так и не установили.. Банально.. Трагично.. У меня просто не было денег на такую операцию. Их едва хватало на жизнь. Коллеги делились со мной учительскими крохами, за которые мне и теперь никогда не расплатиться, но крохи – это ведь не деньги. Позже я полностью выбросила из головы ту идею. Тем более, меня никогда не оставляла тревога о том, что после операции моей дочери, находящейся на пороге взросления, придется становиться девушкой с каким-то VNS прямо в груди.. Ты меня понимаешь, мы же обе – мамы.. А еще был страх, страх обоснованный: как и таблетки, этот аппарат не поможет, а только вызовет новые побочные эффекты.

А время шло, и приступы Дашеньки стали не просто учащаться, они уже могли длиться по несколько часов. Я помню почти каждую секунду любого из них. Но, пожалуй, не стану их воспроизводить, чтобы снова не завывать, как выла тогда.

Товарным поездом они сбивали Дашеньку с ног, и я ложилась рядом с ней, не зная, как еще защититься. Порой приступы сопровождались галлюцинациями. Словно бы моя дочь наяву видела паровоз, который ее сбивает. А машинистом этого поезда мог быть наш папа, наш Коленька. Дашенька до сих пор уверяет, что это не так, что его силуэт всегда был, как черное пятно, но.. но я не знаю. После такого Даша еще по несколько дней не могла прийти в себя, я ви-

дела ее выдавленные мысли, и такие же выдавленные глаза. Тогда-то меня и придушила депрессия. Да так, что я не видела ничего и никого, кроме своих бед. Ни одного выхода. Черная комната без дверей, где кроме нас с Дашенькой ни души. И болезнь, которая день за днем высасывает остатки наших. Я боялась спать. Мы обе боялись жить.

Кто-то предложил мне оформить дочери инвалидность, получать пенсию и попробовать по закону отвоевать у наших министерств положенные ей бессильные лекарства. Но тут во второй раз пришли они – родители лучшей подруги моей Дашеньки, святые люди. В тот момент, оглушенная отчаяньем, я не понимала, что им надо. Сейчас то я уже точно знаю: бывают такие люди, которым единственное, что нужно – это сделать тебе добро, дать надежду. И меня в существовании таких людей больше никто и никогда не переубедит. А тогда я, естественно, не осознавала, что мне просто хотят помочь верить и не сдаваться. И верить в себя. Они взяли нас за руки и повели к выходу, которого я уже не видела.

Они рассказали, что есть человек, который может и готов помочь. В его силах достать эффективные лекарства, которыми спасается половина эпилептиков, но наше здравоохранение их не лицензирует, отрицая опыт цивилизованного мира и здравый смысл. Но с помощью этого человека и денег – это не будет проблемой.

Сперва я чуть было не задохнулась от такой издевки.

А Сергей и Елена, как два Прометея.. Они признались, как с усердной помощи своей дочери, каких-то форумов и социальных сетей организовали для моей Дашеньки сбор средств, и «всем миром» копят на здоровье всего лишь одного человека.

Надо ли говорить, как я плакала.. Первый раз за четыре с бесконечностью года от облегчения. От восставшей из пепла надежды.

В тот же период ошарашенно изучая фармакологию и отзывы о новых таблетках, которые нам возможно предстояло начать принимать, я наткнулась на Наш форум. И засыпала бывалых мамочек паническими вопросами. С тем же терпением, с которым боролись за здоровье своих детей, они ответили на каждый из них. Они поддерживали каждый день.. Сколько же вокруг равнодушных людей, ты только задумайся..

Моя вера росла. Особенно, когда я читала истории мамочек-победительниц, такие, какую сегодня пытаюсь написать тебе сама.

Человек, про которого говорили мои Прометеи, действительно оказался человеком дела. Я знала его всего один раз, но запомню навсегда каждую морщинку его какого-то попростому соседского лица. И такое же соседское имя – Андрей, без отчества.

Показав нас новому невропатологу, пересдав половину тестов и анализов, нам все-таки назначили лечение другими

препаратами. Среди них было и то самое – непризнанное теми, кто не признает ничего, кроме своих нужд и своей слепой правды.

Через две недели заветная упаковка лекарств приехала. Курс начался. А дальше моя доченька стала расцветать, словно куст розы наконец-то дождавшийся весны.

Не проходило и дня, чтобы я не благодарила судьбу и каждого, кто вел нас к этому просвету, который я сама уже отчаялась разглядеть. Мне ведь и правда, никогда не вернуть всем этим людям их любви, их времени, их денег. И это говорит о том, что у счастья нет цены. Оно выше всего.

Лечение не избавило нас от приступов, но по сравнению с тем ужасом, который охаживал нас последние годы – можно было жить. Нужно было жить.

Эстафетная палочка была перехвачена, и я уже почти не вспоминала, что еще в середине прошлого года всерьез допускала мысль получения пособия по инвалидности для моего солнышка. «Моя дочь не будет инвалидом. Она навсегда останется „особенной“, но только для меня одной! И не из-за этой проклятой эпилепсии!» – с такими мыслями я ложилась ко сну каждое новое утро.

День за днем, месяц за месяцем мы выгоняли из себя всякую жалость, всякое сомнение в ином исходе. У Дашеньки улучшилась успеваемость, ведь она могла почти нормально ходить в школу, стали проявляться другие мечты, кроме выздоровления. Мы успокоились. Почти..

Около года назад горизонт снова исчез. Несмотря на всеобщую помощь, денег по-прежнему едва хватало. А тут еще курс валют стрельнул так, что приравнял рубль в цене примерно к отметке отношения нашего государства к большим и неимущим, то есть к нулю. Цены на ПЭПы возросли на несколько порядков, отчаянье снова попыталось перерезать мне горло! Как объяснить двенадцатилетнему ребенку, что жизнь полосатая, и мы рискуем вернуться к своим кошмарам, и пойти даже не поперек, а вдоль черной полосы? Той, на которой однажды уже чуть не разбились.. НИ ЗА ЧТО! Слишком много пройдено!

И снова с моими ангелами-хранителями (Сергеем и Еленой) мы стали искать выход. Тогда нам на выручку еще раз пришел Андрей. Благодаря ему мы узнали о методе лечения, который может сотворить чудо. Его суть заключается в поиске и удалении участка мозга, ответственного за проявление припадков. Срезать каких-нибудь два-три грамма серого вещества, на которых прижился очаг болезни, и вернуть себе человеческую жизнь.

Прилетев прямиком в лоб, вариант показался мне страшным. Надежда и страх – два сожителя, две стороны одной заветной медали. Они опять стали спорить, кто сильнее. Слово «гарантия» никто не произносил даже шепотом. Сколько было консилиумов, сколько новых бессонных ночей. Решать мне, а жить дочери. А вдруг от этой трепанации только хуже станет? А вдруг я зря паникую?

В одну из подобных, угнетающих мыслями ночей нам с Дашенькой одновременно приснился Коленька. Он не был машинистом того сумасшедшего тепловоза, а просто сидел у Дашиной кровати и держал её за руку. И улыбался. Тогда я поняла – нужно решаться. Коленька с нами.

Елена с Сергеем снова начали собирать деньги по социальным сетям, и я точно уверена, хоть они и отрицают – перечислили на те счета все, что могли себе позволить из своих кровных.

С грехом пополам сумму близкую к нужной собрали. Собирали долго и кропотливо, всеми правдами и неправдами. За тот период я потеряла шесть килограммов нервов, хотя и без того давно превратилась в настоящую клюшку. Диета, которую никому не пожелаешь.

Дашеньку положили в стационар на дополнительные процедуры, а через полторы недели сделали трепанацию, чтобы напрямую провести ЭЭГ. Электроды крепили прямо на мозг. Так нужно, чтобы максимально точно установить, какой именно отдел или участок мозга стимулирует эпилепсию.

Не знаю, сколько лет жизни отнял у меня тот день. Считать будем потом..

Никогда не любила громких фраз, но жизнь тихонечко заточила: лучше покороче, да посчастливее, чем.. Так..

Что-то я отвлеклась. Осталось чуть-чуть..

В результате данных ЭЭГ выявили проблемный участок и предположили примерный анализ риска – не больше пят-

надцати процентов. Оставалось только дать согласие на удаление необходимого количества тканей мозга.

Пятнадцать процентов – это жирность средней сметаны в магазине. Пятнадцать процентов – это в миллион раз опасней, чем полет в самолете. Для меня все это звучало и звучит до сих пор, как сюжет какого-то абсурдного фильма про зомби. Только никаких зомби не было. Лишь моя дочь и ее судьба. И счастливого конца, на который нам нужно просто купить билет – никто не обещал.

Скрипя сердцем, мы согласились на операцию.

В день операции я выпила все запасы Дашиных седативных. Несколько дней без сна и россыпь таблеток сделали свое дело. Вместо успокоения, я впала в истерику прямо в палате, пока ждала окончания операции. Меня успокаивали всей больницей. Сестрам пришлось ставить мне капельницу, но я это едва помню. Зато помню, ощущала, как ходят на голове волосы. Снова и снова, снова и снова.. пока Дашеньку не привезли из операционной.

На этом – Я ВЕРЮ – можно заканчивать мою тебе исповедь, мамочка «особенного» ребенка! С момента операции прошло уже несколько месяцев. Несколько счастливых месяцев. За это время у нас не было ни одного приступа. Конечно, еще есть страх, что все повториться, но и его мы скоро изживем.

Я не знаю, зачем жизнь ведет нас такими путанными, и порой, кажется, непосильными маршрутами. Не знаю, но гото-

ва идти. Может, в этом и кроется настоящая причина: затем, чтобы мы стали сильными, чтобы научились верить и познали, что такое – настоящее счастье; научились ценить по-настоящему важные вещи, и видеть жизнь.

Как хорошо, что ночь еще со мной.. Я снова плачу. Только уже, наверное, от счастья. Мне очень нужно передать тебе свою веру. Она даст тебе сил, как дала их мне. Верь и будь сильной!

Макс Фрай в одной из своих сказок писал: «Мы с тобой молодцы, сделали все, что могли, осталось сделать все, что мы не можем, и тогда успех гарантирован».

– Милая моя мамочка, ты можешь все! – говорю тебе я, сделав все.

P.S. В который раз мне странно. Почти шесть лет борьбы с судьбой уложились в одно письмо. Но при этом, до сих пор не укладываются в голове.

Твоя Надежда. Учительница истории».

Надежда закончила писать, беглым взглядом прокрутила письмо на предмет опечаток, и отправила его в сеть. Здравый смысл умолял спать. Ноутбук показывал что-то около половины второго ночи. Учительница закрыла компьютер и выключила лампу. Комнатой овладел мрак, чур-чур-чур! Даша спала на кровати у окна. Со времени болезни она привыкла спать, полностью не зашторивая занавесок. Так было светлее и спокойнее. Огромный сырный диск Луны нава-

лился на окно, охраняя ее новые сновидения. Надежда смотрела на дочь и чувствовала непрерывные инъекции счастья. А еще то, что у нее самой сна ни в одном глазу. Она оправила длинную ночную рубашку, распустила пшеничный хвост, а потом тише мыши приоткрыла небольшой ящичек прикроватной тумбы, и извлекла из него упитанную стопку конвертов. Встав на цыпочки, она перешагнула несколько дорожных сумок, заткнувших собой единственный свободный пятачок комнаты, и в обнимку с конвертами вышла на кухню.

Из-под сумерек наворачивалась суббота. Надежда позволила себе, может быть, последнюю бессонную ночь. С воскресенья или понедельника нужно будет постепенно возвращаться в режим повседневной жизни. Суббота – первый день осенних каникул. И утром Даша первый раз в жизни и сразу, как взрослая – без мамы – летит отдыхать. Впервые в статусе абсолютно здорового ребенка. Думая об этом, Надежда в миллионный раз благодарила огромные сердца Сергея и Елены – родителей одноклассницы и лучшей подруги Даши – Лизы. Они взяли отпуск на время каникул, и купили четыре путевки: себе и ее дочери. Просто так. Как и всегда.

Надежда хотела написать еще одно письмо – для дочери, но эмоций пока не хватало. Слишком уж личным получилось ее киберпослание.

Женщина положила стопку конвертов со старыми письмами на стол. Тесная кухня стала уютнее. Долговязая Надежда, казалось, могла с легкостью, не поднимаясь с места, а лишь

протянув руку в любую из сторон, достать до каждой из ее стен. На улице по-прежнему заправляла делами тьма, в октябре она становится хозяйкой суток. А где сумерки, там тишина, покой и уединение. Тьма – это вовсе не так плохо, как о ней говорят, а даже наоборот. Если, конечно, она не внутри тебя. Кроме того, она идеальная собеседница.

Совиным взглядом Надежда вперилась в пачку писем. Она опустила на них узкую ладонь с длинными пальцами, точно желая не перечитать их, а перечувствовать.

Возможно, это и есть что-то вроде осязаемого конца испытания, проблемы или горя. Не то, когда что-то произошло и завершилось, как действие, а то, когда это «что-то» переварилось, окончательно оформилось внутри человека. Когда он, готовый идти дальше, сам себя отталкивает от этого рубца на жизненном пути. Когда он без содрогания может позволить себе вспомнить сюжеты тех событий. Может быть, даже с долей здоровой ностальгии или иронии – отныне, это часть моей истории, я все преодолел и иду вперед. На своих двоих. И все еще люблю жизнь; и даже чуть больше, чем до той чернухи. А главное, я стал сильнее. По-настоящему сильнее. По-настоящему сильнее – это когда ты остаешься собой: ребенком, который не верит в зло. Потому что все остальное – это стать грубее, а не сильнее. А все, что не сильнее, то слабее.

Ночная кухня – очаг философии.

Достав сложенные в хронологическом порядке письма,

Надежда как раз собралась сделать свою долгую историю борьбы за здоровье дочери игрушечной. Запомнить ее заново и идти дальше.

На конвертах не было адресов, только адресаты – мама и Дашенька Орфаник. Они придумали такой способ общения в период самых тяжелых приступов, в дни, когда отчаяние как никогда близко подобралось к сердцу и разуму. Когда голова переспевала от мыслей и страстей. Их нельзя было излить разговором, они бессовестно сыпались из пустого в порожнее; бессистемно, беспорядочно и непонятно. Как энергия, которая передается от одного тела к другому и обратно, и никуда не уходит. Тогда они и придумали способ укрощать и избавляться от этой энергии. Их жертвой стала бумага, она ведь все стерпит, все расставит по местам и отфильтрует. Так Надежда и Даша начали писать друг другу письма. Обо всем, что считают важным, клином выбивая клин.

Дрожащим пальцем Надежда поддела самый верхний конверт – первый шажок на длинной дороге к победе. Два одинарных листка обычной тетради в клетку. Бумага грубая, словно искусственно состаренная, вся в графитовых разводах от тысячи затертых попыток правильно уложить в строчки душу. И в таком же количестве следов высохших на письме слез, случайно выпавших из глаз, когда подходящие мысли откупоривали чувства.

МЫ (Первое письмо).

«Дорогая моя Дашенька, душа моя! Я очень рада, что мы с тобой придумали друг другу писать! Если честно, эта идея пришла мне в голову благодаря тебе. Ты ведь так любишь читать классику. Как сейчас помню, в начале года застала тебя с Грибоедовым, вместо Алексина, а незадолго до этого с Пушкиным, а потом еще с Толстым – с обоими, и с Есениным. Ты читала их мельком, урывками, и это не удивительно. Не каждый взрослый может переварить ту пищу, которой они хотели напитать своего читателя. И тогда я заметила, что больше всего тебя увлекают письма героев их произведений. Письмо Татьяны Онегину, письмо Пьера Безухова Наташе Ростовской, «Письмо Матери» и еще много-много других. Ты искала их по всей нашей скромной библиотеке и делала закладки, чтобы перечитывать в любой момент снова и снова.

А по вечерам, когда ты ложились спать, я открывала заложенные тобой страницы и читала те письма, как будто вместе. Чтобы понять тебя. Не знаю, чем тебя пленила такая затея, быть может, той близостью, той ясностью, тем настроением, которые могут создать одни лишь только письма. Той возможностью открыться, рассказать себя, которой не имеет разговор, неминуемо превращаясь в дискуссию, спор, или множеством окольных путей уводя от главного, так и не утолив жажду к личной истине.

И вот вчера я случайно вспомнила об этом. Ты сама мне подсказала: «– Мамочка, я больше не могу ни говорить, ни

думать обо всем этом. Но, и не думать, и не говорить, тоже не могу! Что мне делать?».

Я искренне хочу верить, что письма помогут нам. Потому что в них мы имеем силу разговаривать и поддерживать друг друга, даже когда не можем быть рядом. Знаешь, милая, письма всегда пишутся из головы, а значит, делают ее легче.

У меня был всего только один день, чтобы придумать тебе первое письмо, но и его мы целиком провели вместе. Поэтому, как и обычно, я прошу помощи у ночи.

Я буду писать тебе, как взрослой, но ты имеешь право писать мне как ребенок: как хочешь, и о чем хочешь. Болезнь пробует забрать у тебя это право – быть ребенком, но мы ей не позволим, вот увидишь. В этих строчках мы не просто мать и дочь, взрослая и ребенок, здоровая и болезная; мы – отражения друг друга, мы то, что внутри. Мы одинаковые, мы одно.

Мы не будем писать друг другу каждый день, и обязательно ждать ответа. Мы станем свободными в своих словах и мыслях. Если мне вздумается, я напишу тебе рецепт торта, а ты мне про миграцию касаток, когда хорошенько ее изучишь. Или смешной анекдот. Или несмешной.

И ни в коем случае не сдерживай себя, не копи. Так же прямо пиши мне про нашу с тобой болезнь. Каждую эмоцию, каждую мысль. Все-все. Но никогда не забывай, хотя бы в конце писать про касаток. Потому что время будет идти, и болезнь станет отступать. И мысли о ней тоже. А письма

по-прежнему надо чем-то заполнять. И ты даже не заметишь, как со временем припадков будет меньше, а касаток больше. А потом вообще останутся только касатки и несмешные анекдоты. – Вот увидишь! – повторяю я.

Верь мне! «Мама всегда права» – мне так моя говорила. И была права.

Придет срок, мы обязательно соберем все наши письма вместе и перечитаем их, радуясь какие мы с тобой сильные. И посмеемся. А если захотим – поплачем. Только уже не от горя, а по горю, которое только на бумаге и осталось. Да и с нее с каждым новым письмом норовит исчезнуть. Это будет наша семейная история, и она будет не хуже, чем у классиков. И такая же настоящая. Я тебя люблю!

Я тебя очень-очень-очень люблю!

Мама».

Освежив в памяти первое письмо, Надежде стало немного стыдно, ведь как раз в нем она обещала дочери когда-нибудь перечитать их переписку вместе. Но именно здесь и сейчас ее одолела острая, как бритва необходимость сделать это одной. Сейчас и наедине, чтобы вспомнить себя и начать забывать. Утром Даша улетит отдыхать, а когда вернется, ее должна встретить новая жизнь.

Женщина трепетно сложила и убрала исписанные клетчатые листки в конверт, а сам конверт положила в самый низ стопки. Теперь можно ложиться спать. Через каких-нибудь шесть часов подъем, и его никак нельзя пропустить. Ей нуж-

но проводить дочь в первое в жизни самостоятельное путешествие.

За окнами старенькой хрущевки под прикрытием ливня и темноты ветер колошматил трещащие недовольством кроны деревьев. Своими огромными лапами они то и дело грозились выбить к черту половину окон всего дома. Грозились, да не выбивали. На улице драма, на кухне мелодрама.

– Самая темная ночь – перед рассветом!» – воспроизвела до полусмерти избитую фразу Надежда, и отправилась спать.

«Мамочка, я знаю, что от эпилепсии умирают. И мне кажется, я уже так много знаю про смерть и боль, а про жизнь еще совсем почти ничего. Это несправедливо. У меня не получается больше ни о чем думать.

Касатки – это киты-убийцы.

Я тоже тебя очень люблю!

Твоя дочь, Даша Орфаник».

Даша написала свой первый ответ Надежде.

Складывая криво оторванный листок, ей показалось, что руки снова перестают ее слушаться. Она сощурила глаза и взмолила потолок, чтобы это было не так. В этот раз он внял ее просьбе. Даша не отвечала маме полторы недели – ровно столько, сколько прошло с ее последнего приступа.

С тех пор, как проявления эпилепсии усилились, на уроках ее пересадили на последние парты, к окну. Так было лег-

че. Всем.

Даша писала маме прямо во время диктанта, поэтому в конце занятия сдала работу, в которой были только начало текста и его конец. Когда прозвенел звонок, уже по привычке она сделала вид, что мешкает, собираясь, лишь бы не встретиться лишний раз с нечитаемыми взглядами учителя и одноклассников.

Дети в возрасте десяти-одиннадцати лет очень жестокие. Не злые, а именно жестокие. Злость – это почти всегда осознанный акт, а жестокость вполне может быть неосознанной, особенно если ты еще ребенок, и родители не читали тебе Маяковского. Дети в Дашином классе ото всех остальных ничем особенным не отличались. Поэтому общение с одноклассниками превращалось в хождение по канату: одно неверное движение, неаккуратно сказанное слово, или неосторожный жест могли стать искрой, в момент взрывающей желание одного ребенка обратить на себя внимание других детей самым коротким и верным способом – скандальной шуткой. Маленький Герострат¹ живет почти в каждом, а вот маленький Маяковский в редком человеке.

Среди Дашиных одноклассников был как минимум один маленький человек, который знал, что такое – хорошо, и что такое – плохо. Его звали Лиза Лис. Девочка-щепочка в синем джинсовом платье без рукавов и белом хлопковом бадлоне

¹ Герострат – житель древнегреческого города Эфеса, который сжег храм Артемиды ради того, чтобы прославиться.

под ним молочно улыбалась выдающимися резцами зубов, и морщила крохотную впадину курносого пяточка.

Радуюсь на то, как другие дети бегают по рекреации, замороженные каждый своей игрой, сама Лиза не играла. Она ждала, пока из кабинета русского языка появится ее лучшая подруга – Даша Орфаник.

Когда Даша наконец-то, едва не волочась, показалась в дверях, Лиза мгновенно шмыгнула к ней и, прильнув губами к уху более высокой подруги, стала что-то шептать. Руки в белых рукавах бадлона обхватили худенькие плечи Даши, и та совсем чуть-чуть улыбнулась. Улыбнулась так, что этого бы никто другой в коридоре, кроме Лизы, и не заметил. Семеня, и стараясь не задеть других школьников, они пропустили к противоположному концу рекреации, и скрылись за поворотом на лестницу.

В столовой стоял настоящий гам. Большая перемена каждый день собирала аншлаги вокруг буфета с обедами, выпечкой и компотом. Проталкиваясь от прилавка сквозь мессиво ребячьих тел, каждое из которых норовило вытянуть через головы остальных ручонку с деньгами и, нацелив страждущий взгляд на буфетчицу, загробным голосом вынуживало: «Возьмите у меня!», «Ну, возьмите!», Лиза в один миг выкупила ожидающую ее Дашу. Та снова спряталась у окна, в дальнем углу. Солнечный свет, проникнув сквозь стекло, маскировал ее ото всех лишних глаз. Он падал на Дашины длинные, пшеничного, как и у мамы, цвета волосы так,

что беглому взгляду могло показаться, что место свободно и пригрето лишь мартом.

Лиза положила на пластиковый стол тарелку с пирожками и два компота из сухофруктов. Оправляя платье, она села прямо напротив зачарованной чем-то подруги и сказала:

– Пообещай мне, что не передумаешь!?! – в блеске ее глаз читалась такая твердость, на какую можно натолкнуться не в каждом мальчишеском взгляде.

– Обещаю! – Даша почти что струсилась давать слово, но выразительного взгляда Лизы она струсилась еще больше.

– Вот и хорошо! – расплылась добротой Лиза, – Я тебе верю! Ты ведь ни за что не обманешь лучшую подругу! Я уже предупредила родителей, что к нам в гости приедешь только ты! Все-таки мне исполняется одиннадцать, и кого попало в такой день звать нельзя! – то ли серьезно, то ли в шутку продекларировала Лиза.

Даша загадочно поморщила носик, и спрятала остальные эмоции за питьем компота вприкуску с яблочным конвертиком.

– Значит, не забудь: в субботу, послезавтра у меня дома в три часа. Адрес я тебе на всякий случай напишу на бумажке.

Даша согласно кивала, а ее набитые конвертиком щеки, покраснев от волнения, сами стали похожи на наливные яблоки.

Прозвенел звонок, и девочки упорхнули на урок.

Суббота принесла оптимизм третьего к ряду солнечного дня. Для жителей большинства регионов в этом повторении нет ничего примечательного. Так бывает сплошь и рядом: что для одних обыденность, для других откровение. И, с одной стороны, хорошо, когда в твоей жизни солнечных дней больше, чем пасмурных – это огромная радость. Но с другой, стабильная радость, как правило, обречена никогда не обернуться полноценным счастьем. А радость редкая, пусть и обыденная для всех других, легко прорастает в нечто большее.

Вот почему, собираясь к Лизе на День Рождения, Даша испытывала что-то близкое к счастью, на которое никто другой, скорее всего, не обратил бы достойного внимания. Три дня солнца и почти две недели без приступов – чем не повод одеть свои любимые желтый и бледно-розовый банты.

Надежда с самого утра кружила вокруг дочери. В глубине души она, несомненно, боялась отпускать свое чадо на целый день под присмотр людей, которых до этого видела всего несколько раз на родительских собраниях. С другой стороны, как педагог, Надежда понимала: позволить Даше уйти в гости без видимых нервов – значит, дать им обоим поверить в свои силы и то, что их жизнь ничем не отличается от других.

Поэтому учительница хлопотала незаметно, а свои пере-

живания прятала за бытовой заботой: хорошо ли они уложили Дашины волосы, и нет ли на выходном платъице незаметных еѹ складок или пятнышек.

Все последнее время, начало которого не разглядеть из настоящего, обе дамы привыкли к единственному виду важных сборов – сборам к врачу. А тут праздник. Да, чужой. Но все-таки праздник. Сколько же одновременно надежд живет в этом слове.

Седьмой этаж, слева железная дверь с глазком, закамуфлированным под глаз миньона. Надежда встала за спиной дочери, положив тягучие руки ей на плечи. Обе нервничали, и когда с обратной стороны двери, отщелкивая замком, кто-то закашлялся, они одинаковым взглядом, в котором читалось хулиганское желание убежать, посмотрели друг на друга, но остались стоять на месте.

Дверь распахнулась, и все семейство Лис нацелило свои обезоруживающие улыбки на беззащитных гостей.

– Здравствуйте! Проходите! Раздевайтесь! Разувайтесь! – перекрикивая друг дружку, настаивали они.

Волнение отшатнулось. Бывают такие люди, которым не надо выставлять напоказ свою доброжелательность, она просвечивает из них сама, при любом освещении. Лис, несомненно, находились в авангарде этого скромного отряда добродышащих светляков.

В коридоре приятно пахло гуталином, и легкими мотивами женских духов вперемежку с сытным запахом крабового

салата и каким-то рыбным блюдом, запертым в духовке.

Даша, все еще немного робея, раздевалась как можно ближе рядом с мамой. Хозяева перехватили ее курточку, обменяв на тапочки. Надежда стояла, не разуваясь. Она тоже слегка стеснялась, объясняя родителям Лизы, что не может остаться даже на лишнюю минутку, потому что дома ее ждут горы непроверенных домашних заданий и контрольных работ. Внутри себя взрослые понимали, что ходить в гости на Дни Рождения в семьи своих учеников – не слишком этично с точки зрения педагогики. Не стоит превращать детский праздник во внеочередное родительское собрание.

Даша торжественно вручила Лизе подарок, и тогда внимание всех присутствующих переключилось на процесс его распаковывания. Большая коробка была завернута в несколько слоев подарочной бумаги. Лиза покачала ее в ручонках – тяжелая.. это уже интересно! Именинница ловко состригла ленту и, даже не пытаясь быть аккуратной, с аппетитным хрустом рвала упаковочную бумагу. Добравшись до жесткого картона коробки, она снова схватилась за ножницы, и стала потрошить ее так же нещадно, как один великий комбинатор потрошил чьи-нибудь стулья.

Спустя несколько минут азартной возни, Лиза явила на всеобщее обозрение роликовые коньки. Она взвизгнула от радости и принялась целовать, обнимать и благодарить Дашу с Надеждой. Родители совершенно не ограничивали дочь в проявлении столь открытых эмоций. Так же от их вни-

мания не ускользнуло то, какими радостными, но все же вязкими взглядами на мгновение сплелись их гости, когда Лиза добралась до содержимого коробки, и восторженно закричала: «Ухх-тыы!».

Елена и Сергей заподозрили что-то такое, что людей обычно не касается. Что-то, что можно понять, но никогда – объяснить. О Дашином недуге они могли разве что только догадываться. По крайней мере, она взяла с Лизы обещание, и была уверена, что та ни за что не раскроет ее тайну без разрешения. И это было правдой. Родители Лизы ни о чем таком не знали. Как не могли знать, что такой дорогой подарок уже полгода как носил свой торжественный статус – подарок. Только первый раз его подарили как раз-таки Даше, на ее прошлый День Рождения прислали по почте дальние родственники. Настолько дальние, что весть о серьезном недуге веточки их древа закопалась где-то в бескрайнем бездорожье. Даше в тот год стукнуло десять – первый в жизни юбилей, поэтому иногородние тятеньки с дальнего востока поднапряглись, и решили поздравить племянницу за все предыдущие годы вместе взятые. Но вместо радости шикарные ролики не нарочно вызвали расстройство и слезы, да так и остались лежать в антресолях на целых полгода. В преддверии Лизиногo Дня Рождения решение передать ролики было принято почти мгновенно обеими Орфаниками. Надежд на скорое выздоровление не было никаких, детские ножки растут, и скоро коньки осядут в антресолях навсегда, так

вообще никому на свете и не доставив радости. Почему бы не передать их во владение человеку, который заслужил это своей бескорыстной дружбой? К тому же лишних денег в семье нет, а ролики – возможность сэкономить на подарке.

Такую историю невозможно засечь в чужом взгляде, но можно прочитать о том, что есть что-то глубокое, нечто большее, чем просто поздравление в настолько щедром подарке обыкновенной учительницы и ее до замкнутости скромной дочери. И Сергей с Еленой это прочитали. Прочитали и невольно, по своей многодушной натуре, стали чутче, внимательней и мягче, чтобы узнать, о чем на самом деле был взгляд их гостей.

А для Даши с Надеждой расставание с роликами стало символом очередного прощания с нормальной жизнью, новая обрезанная ниточка, каждую из которых они пообещали друг другу связать заново. Если получится.

Гостеприимные хозяева больше не навязывали Надежде уговоров остаться. И чтобы развеять небольшую неловкость своего категорического отказа, учительница преподнесла Лизе и ее родителем еще один небольшой, но важный сюрприз. Уже на пороге она обратилась к девочке:

– Лизонька, я надеюсь, ты помнишь, в пятницу мы писали контрольную работу по древнему Китаю? – Надежда старалась выглядеть максимально дружелюбно, но Лиза все равно опешила от ее вопроса:

– Да.. Надежда Алексеевна.. помню..

– Ну не пугайся ты так! – учительница положила ладонь на затянутые в тугой хвост волосы девочки, – Твою работу я проверила самой первой! Ты молодец! У тебя твердая пятерка, так что сегодня тебе сам бог велел отмечать праздник, и ни о чем не думать!

Все семейство Лис и Даша гордо улыбнулись, а Надежда зацокала набойками тысячу раз чиненных сапог по лестнице, к лифту.

– Надежда Алексеевна! Вы тоже ни о чем не беспокойтесь! Вечером мы все вместе проводим Дашу домой! – мягким басом окликнул уставшую учительницу Лизин папа, когда та уже зашла в лифт, и его двери затворялись.

– «Хорошо. Пусть так и будет!» – подумала Надежда в ответ, но промолчала. Это ведь неэтично – кричать через двери на весь лестничный пролет.

В уютной, салатовых тонов комнате Лизы от количества гелиевых шариков всевозможных цветов было не разглядеть потолка, а на занавесках, прикрепленная на булавки, висела длинная открытка «С Днем Рождения!». Даша захохла от восхищения такой красотой. Обе девочки красовались нарядными платьями с кружевными оборками на вороте и рукавах, и каждая заметила обворожительность своей подруги. Настроение Даши подлетело еще выше, она думать забыла о всяких страхах.

На столе девочек ждали холодные закуски с напитками. Родители накрыли на четверых, но обещали не мешать им

слишком долго.

– Мы с вами немного посидим, а потом пойдем к себе, чтобы не смущать молодежь! – подшучивая заверила мама, а папа согласно закивал, жуя подворованные со стола виноградина.

Давайте уже садиться! – попросил он, – А то у меня желудок бунтует! Требуется любимый итальянский салатец! – он опустил взгляд на Дашу и, проведя круговыми движениями руки по животу, подмигнул ей, – На тете Лене стоило жениться как минимум за ее кулинарные таланты! – как бы шепотом насплетничал Сергей.

Даша смущенно хихикнула.

Все расселись по местам. Лиза во главе компании, Даша напротив и родители по краям. Папа разлил сок, а мама наполнила тарелки угощением.

– Итак! Первый тост! – резко поднявшись, деловито произнес Сергей, – мама Лена, говори!

Мама Лена поднялась, источая каменную невозмутимость.

– Ну что, доченька! – она поцеловала Лизу в темечко, – Любимая наша девочка! Ты уже совсем взрослая!.. по крайней мере взрослее своего остроумного папули, – Елена и Сергей перекрестили азартные взгляды. Один – один, – У нас сегодня получают очень скромные посиделки. Можно сказать, в кругу семьи. Еще больше я удивлена, что именно ты сама попросила об этом! Для меня это знак – моя дочь

знает цену близким и друзьям, и понимает – товарищей много, а настоящих друзей единицы! – Елена заметила, как Даша покрывается багрянцем, – У нас растет умная, добрая и красивая дочурка, и я желаю тебе оставаться такой же, и идти еще дальше за своим умом и сердцем! Мы с папой тебя очень любим!

Все ударились стаканчиками, Елена обняла и еще несколько раз поцеловала дочь. А заодно и глумящегося над ее речью Сергея и, конечно, горящую красными ушами Дашу.

Ура! Ура! Ура! – по-армейски заголосил Сергей, – Мам, да ты у нас не только повар, а оказывается, еще и превосходный оратор! Нужно будет тебя все-таки как-нибудь умаслить съездить с нами на рыбалку! У нас там острый дефицит таких ценных дуалистов! – два-один.

Елена провела отвлекающий маневр, изобразив попытку дотянуться до стоящей возле Сергея тарелки с канapé. И вдруг резко, пока самодовольная улыбка не исчезла с его физиономии, треснула ему кухонным полотенцем прямо по шее.

– Дуалистов? Декарт бы вообще тебя убил! – два-два.

В первый миг Даша растерялась, а потом засмеялась вместе со всеми.

В продолжение празднования все участники застолья под чутким руководством Сергея по очереди говорили речь. Сам Сергей снова отчебучил какую-то инопланетную шутку, Ли-

за благодарила родителей, всех целовала и заверяла, что мамыны слова были правдой – сегодня у них дома собрались самые близкие ей люди. Даша сначала жутко смутилась, так что слова не лезли на язык, но приободренная мамой Леной, поблагодарила всех за честь быть в кругу такой замечательной семьи. Девочка заверила дружелюбных Лис, что давно так хорошо не проводила время и, признаваясь Лизе в дружеской любви, пожелала навсегда-навсегда, до самого конца оставаться самыми близкими подругами.

Все хлопали, соглашались и девочки непременно обнялись, скрепляя тем самым свои обещания. А потом родители, сдержав слово, оставили именинницу и ее гостью вдвоем. По крайней мере, пока не будет готово горячее. Уходя, Лизин папа заверил:

– Обещание – есть обещание! И слава мне, что своему желудку, я наперед вас обещал, что сегодня в нем будет плавать горячая форель! Мама, как там наше горячее? – бросил он в коридор и следом вышел сам.

Девочки остались вдвоем, Лиза села на кровать и подманила за собой Дашу. Все без исключения дамы любят секретничать. И Лизе не терпелось пошептаться с подружкой так, чтобы родители их не слышали. Она включила на компьютере сборник каких-то песен современной эстрады и, сложив руки трубочкой, приблизилась к уху заинтригованной подружки.

– Знаешь, что мне родители на День Рождения подарили?

– Нет! – призналась Лиза.

– Путевку в Диснейленд! Это в Париже. Завтра утром улетаем на целую неделю, на все каникулы! – глаза Лизы горели первобытным детским счастьем, – Можно будет даже уроки не делать! Папа сказал, взять с собой книги и тетради, а потом замолчал и добавил – вдруг у нас в номере у кровати ножка сломана будет. Он сказал, чтобы ее правильно подпереть учебник по геометрии – самая незаменимая вещь. И засмеялся! Хорошо, что мама не слышала.. Вот бы ему влетело!

Лиза потерялась взглядом где-то в Дашином виске, она изучала профиль лучшей подруги. Девочка знала, что ее история может расстроить, ни разу не бывавшую ни в Диснейленде, ни где, кроме деревни Дашу. Но она всего лишь одиннадцатилетний ребенок, да еще именинница, а в таких условиях невозможно сдержать в себе настолько значительную радость.

– Прости меня, – сказала Лиза, – Я очень-очень рада этой поездке! – она опустила глаза, когда Даша обратила на нее понимающий взгляд, – Жаль, что мы не можем полететь туда вместе. Я бы очень хотела.. Честно-честно..

– Правда? – Даше было очень важно услышать от подруги это признание, оно помогло радости за Лизу победить печаль за себя.

– Правда-правда..!

– Я никогда не бывала в других странах. И на самолетах

не летала! – вздохнула Даша.

– Это очень классно, – ответила Лиза, – Мы еще обязательно с тобой полетим куда захотим! Вместе. Я очень-очень хочу, – шептала именинница, – Ты только выздоравливай, пожалуйста!

– Обещаешь? – испуганно переспросила Даша, – Мы вместе полетим в Диснейленд, или на море? – от восторга ее зрачки расширились и стали походить на кольца Сатурна.

– Обещаю! Только ты тоже обещай! И выздороветь пообещай! Иначе мама тебя ни за что не пустит! Еще целых сто лет подряд! – Лиза говорила с выражением уверенности, что люди живут бесконечно. Но правда, только первые сто с копеечками лет детской бесконечности стоят того.

– Я обещаю! – Даша осеклась и потом, выдохнув две трети своего энтузиазма, продолжила – Я постараюсь.. Я всегда старалась..

Между девочками затесалась непрошенная грусть.

– Точно!!!

Зрачки Лизы расширились, как надувные. Она вскочила с кровати, волоча за собой на пол половину покрывала, схватила два стакана с недопитым соком, и в три прыжка вернулась к ошарашенной Даше, почти насильно впихивая один из стаканов в ее руку.

– Я же сегодня именинница! И могу загадать желание! – пояснила заведенная девочка, – И я хочу загадать твое выздоровление! Это правда-правда самое большое мое жела-

ние! Остальные итак сбываются! – Лиза снова вспомнила о путевке в Диснейленд, – Тогда мы сможем вместе бывать, где угодно и делать, что угодно!

Даша испугалась:

– Тссс! Ш-ш-ш! Ты чего? Нельзя же желание вслух загадывать, они так не сбываются!

– А я пока еще и не загадывала! – подмигнула Лиза, – Просто поделилась планами с лучшей подругой.

Как взрослые, девочки потянули свои худенькие ручки со стаканами друг к дружке. Все это время, боясь быть подслушанными, они разговаривали в полутонах. И только в момент соударения посуды по комнате впервые за двадцать минут пробежал живой, звонкий звук.

– А теперь можно загадывать желание! Но я тебе его не скажу!

– А как же торт? А свечи? – снова испугалась Даша.

– Аааа... торт... его не будет!

– Как это? Почему?

– Дашка, ну мы же с тобой леди! Нам нужно скрывать свой возраст и соблюдать диету. Я не хочу быть тяжелее своего принца!

– А-а-а... Ясно...

– Ну, а еще папа с утра почти весь торт съел, сказал пирожных будет достаточно! – Лиза закатила глаза, – Это его слова про леди и все такое.

Девочки азартно засмеялись.

Во время приема горячего родители довели до сведения подруг:

– С минуты на минуту придет фокусник!

– Настоящий фокусник!?! – обрадовались дети.

– Ну, фокусник или клоун! А какая разница.. Спросите у мамы, это ее идея! – метнул стрелку папа.

– Да, девочки, настоящий! Клоун. Почти такой же настоящий, как наш папочка! Правда он у нас круглые сутки клоун, а тот только на праздниках! – кольнула мама.

Сергей не успел сочинить ответную остроту, как в дверь позвонили. Девочкам запретили выходить.

– Клоуну надо подготовиться! – объявила мама.

– Нам всем, видимо, тоже! – ехидно буркнул Сергей.

Минут десять подруги сидели в предвкушении. Где-то за межкомнатной дверью были слышны шебуршания одежды, переговоры, топот. А единственный незнакомый голос совершенно не подходил под стереотип голоса шутника и повесы, скорее он мог звучать из уст уставшего продавца лотерейных билетов, от которого все ждут чуда.

Девочки нарочито наигранно выдохнули и переглянулись, когда клоун наконец-то появился. А Сергей как бы в пику ему, что есть мочи дунул в свисток. Тот мгновенно размотался и шлепнул свистуна по лбу. Девочки развеселились, а папа открыл в уме новый личный счет: Сережа – один, наемный шут – ноль.

– Привет девчужки-хохотушки! Давайте дружить! Меня

зовут Жирик! – весело представился новый гость, расплывшись в намалеванной от уха до уха красно-белой улыбке. Он поклонился, выставя для приветствия девочкам руки в белых шелковых перчатках.

– Может быть – Жорик? – не удержавшись, уточнила смелая Лиза, пожимая его пятерню.

– Нет, дорогая моя, именно Жирик – самый веселый клоун страны, а может быть, и мира!

Жирик ухмыльнулся и, после того, как девочки по очереди представились, джентельменским образом склонил перед ними голову, заблаговременно сняв морскую фуражку, по плоской поверхности которой катался синий помпон.

Папа Сережа не стал более терпеть, что будет дальше. Красный от тайного смеха он благоразумно покинул детскую, защищая перфоманс артиста от своих возможных выходов. Елена заметила его жест и, скромно откланявшись, проследовала за мужем.

– Мы на пару минут. Зовите, если что! – прокомментировала она.

Сергей нашелся на кухне. Он воевал с кофемашиной и явно проигрывал.

– Дилетант, – встала между ним и аппаратом Елена, – Давай помогу, а то поломаешь мне тут все!

Сергей хищно прищурился и вытянул губы в осторожную улыбку – два верных признака того, что вот-вот последует опасная шутка.

– Первый раз вижу, чтобы посудомойка чинила кофемолку!

Едва договорив, Сергей замкнул жену в объятьях, одновременно извиняясь, защищаясь и пряча у нее в волосах самодовольную морду своего юмористического триумфа.

«Вот если бы клоун Жирик так умел..» – думал он.

– Давай так пару минуточек постоим! – протянула Елена, – Столько лет мы с тобой вместе, а я так и не могу наобниматься.

Сергей обнял супругу чуть крепче и что есть мочи теплее. И ничего не сказал в ответ. Он знал, когда надо быть веселым, когда надежным, когда нежным и когда серьезным. Знал и умел. И любил.

– Эта Даша очень хорошая! Но совсем не похожа на Лизу. Наша, как маленький чертенок, а Даша такая скромная, такая тихая.

– Они друг друга уравнивают! – не дождавшись вопроса, заговорил Сергей, – Противоположности притягиваются.

– А мы?

– А что мы?

– Ну, мы. Мы ведь не противоположности!

– Вот она – вся суть вашего брата... Взбаламутить на ровном месте, – ухмыльнулся Сергей, – Мы противоположности! Ты женщина, я мужчина! Будешь продолжать – отпущу..

Снова пауза. Еще минута объятий, и оба родителя, взяв-

шись за руки, сели на широкий подоконник.

– Мне на миг даже показалось, что она не спокойная и скромная, а какая-то несчастная, что ли. Причем именно несчастная, а не расстроенная.

– Я думал, только мне это в глаза бросилось.

– Интересно, что у них дома происходит.. Хотя.. Может, нам это действительно только показалось.

– Не знаю! – задумчиво выдохнул Сергей, – И не смогу ничего предположить, пока не решим вопрос с кофе!

– У вас, папочка, намеки такие же толстые, как и шутки! – Елена легонько провела рукой по Сергеевой шее, встала и пошла домучивать кофемашину.

Сергей основательно напорточил в настройках так что, когда нужный кофе наконец-то засикал в белоснежную фарфоровую чашечку, Елена и впрямь восприняла это событие, как маленькую победу над техникой. Примерно так, не голливудски восстание машин было отсрочено в третий раз в истории человечества.

– Кофе допьем и пойдем, проверим наших! А то вдруг они этого Жирика уже связали и пытаются! – распорядилась Елена.

– Жи-и-ирик! – хмыкнул Сергей, – Давайте вместе е.. ударим по Сирии! – ему на память пришло старое популярное видео, и смешалось с последними новостями, – К-к-клоуны...!

– Кто? – натянула брови Елена.

– Кто-кто.. Да все эти, как их.. противоположности наши.

Через стену, из комнаты послышался громкий звук падения, а следом девчоночий крик и взрослая истерика.

Не сговариваясь, родители побросали чашки с недопитым кофе и сорвались на шум. На пороге Елена чуть не влетела в амбразуру растерянно бежавшего ей навстречу Жирика. Ловко увернувшись с помощью материнских инстинктов, она забежала в детскую. Сразу понять, что произошло, было невозможно. В центре комнаты никого не было, а из-под праздничного стола доносились отрывистые оклики:

– Даша.. Дашка.. Дашенька..

Лиза сидела на коленях между столом и стеной, и гладила свою подругу по голове. Та без сознания лежала навзничь рядом с ней. Словно у механической куклы, у нее медленно то ли ездили, то ли дергались не придавленные к полу рука и нога, а изо рта выступили красные пузыри пены.

Сергей, не раздумывая, одним рывком отодвинул стол, роняя с него посуду, а Елена стремительно опустилась рядом с девочками.

– Что случилось? – отчеканила Елена, захватив дочь ежовым взглядом.

– Мы разыгрывали «Паровозик», и тут она.. это.. затряслась.. упала.. прямо свалилась – донесся испуганный голос Жирика из-за дверного проема.

– У нее опять приступ. Это эпилепсия. Она просила не говорить вам, – добавила Лиза надорванным голосом, – Помогите ей..

Сергей медленно опустился рядом с остальными.

– Она сильно ударилась? – спросил он, осматривая девочку.

– Не знаю. Она на ковер упала. Со стула. Помогите ей!.. – взмолилась девочка, продолжая гладить подружку по голове.

Даша все еще была без сознания. Присутствие Жирика больше никто не замечал.

– Помогите ей.. – повторила Лиза еще раз.

– Мы не можем ничего сделать, милая. Приступ должен скоро пройти сам! – сочувствуя дочери, сказала Елена.

– Мамочка.. Папочка.. Помогите ей поправиться!.. Пожалуйста!.. – огромные, влажные глаза Лизы выкатились на родителей, – Продайте мою путевку в Диснейленд, если надо..

В тот день приступ повторился еще два раза. Даша почти приходила в себя и снова поддавалась судорогам. Родители Лизы, первый раз в жизни наблюдая такие тяжелые и долгие проявления болезни, вызвали скорую. Врачи прибыли, когда конвульсии все-таки прошли сами, а обессиленную Дашу переложили отдыхать на кровать.

Жирик давно уехал. Лиза неотступно сидела рядом с лучшей подружкой. Тетя Лена старательно оттирала ковер от капель разбавленной слюнями крови, а дядя Сережа в коридоре о чем-то долго беседовал с дежурным врачом.

Даша, теряясь в полудреме, несколько раз звала папу и бормотала про какой-то паровоз. Так семейство Лис вторглось в судьбу девочки.

Через несколько дней немного придя в себя, Даша без очереди писала маме письмо:

«Мамочка, здравствуй, это я! Мамочка, за что это со мной? Скажи. Взрослые ведь знают ответы на все вопросы. Мне очень хочется знать. Может быть, тогда станет легче..

Мне очень стыдно за то, что я испортила Лизе и ее родителям День Рождения. Наверное, они меня больше никогда не позовут в гости. Мне больше не к кому ходить в гости.

Лиза сейчас в Диснейленде с мамой и папой. У всех каникулы! Почему эпилепсия не отдыхает? Почему от этих таблеток я чувствую себя хуже, чем перед приступом? Я тоже хочу каникулы. И в Диснейленд всей семьей. И с папой.

В субботу перед приступом, я слышала его голос, а потом на меня поехал огромный паровоз. Гудел и слепил мне прямо в глаза. Я попыталась от него увернуться и упала. А потом не помню. Как обычно. Я устала. Я устала падать, не помнить и бояться. Устала бояться, и все равно боюсь. Я хочу, как все, – бояться только на горках в Диснейленде, а не везде и всегда. Лиза загадала желание, чтобы я поправилась, но, кажется, неправильно.

Я. Я не верю, что оно сбудется. Оно уже столько раз не сбывалось.

И в школу я тоже больше хочу. Я ее люблю, но идти больше не хочу. Ты писала, что болезнь отнимает у меня детство. Теперь я понимаю, что ты имела в виду.

Ладно, мамочка, у меня почти не осталось времени. Ты скоро вернешься из аптеки, а у меня еще ничего: ни строчечки, ни словечка про касаток.

Сейчас...

Все пишут «касатка» и называют ее «кит-убийца», а на самом деле она «косатка» и дельфин!

Вы – взрослые, вообще хоть что-нибудь точно знаете? Я не виню, мамочка, тебя ни в чем. Честно-честно! Но, может, это у меня из-за глупых взрослых нет детства, а не из-за болезни!?

Я тебя люблю. Твоя дочь Даша».

В ту же ночь, уложив дочь и убедившись, что она уснула, Надежда устроилась на кухне. И плакала над ее письмом. Огромные слезы катились по изрезанным переживаниями щекам страдающей о дочери матери. Она ругала себя, чувствуя бессилие, ругала весь мир за его глупость и несправедливость. Она чувствовала приближение шторма. Болезнь оскалилась по-новому: сразу трех приступов подряд и непонятных видений до этого никогда не случалось.

Надежде захотелось сразу же написать дочери, успокоить ее, вдохновить, дать ответы на все вопросы и заставить верить. Она несколько раз складывала и расправляла смятый тетрадный лист, но ответов не было.

Сумерки растеклись чернее и гуще гуталина. В какой-то промежуток мыслей сердце отключило рассудок на несколько коротких мгновений, в которые ее пальцы поддались воле

ночи, и сами по себе стали выписывать закорючки строчек:

Мы не взрослые, мы просто старше.

В этом ведь и правда, нет заслуги никакой.

Нам все также непонятно, также так же странно,

Также страшно.

И мы ждем, когда и наша мама

Все переживанья снимет, как рукой..

Завершив писать, Надежда пришла в себя и ужаснулась своей секстине. Она немедленно скомкала оскверненный слабостью лист, и выкинула его в мусорное ведро. И после, до самого утра сидела в ступоре.

2. Андрей

Пока Андрей, задыхаясь от скорости и эмоционального возбуждения, бежал через затопленные многодневным дождем лесные заросли, он заметил две вещи: хлеще всего по лицу бьют ветки березы, а когда устаешь бежать, то начинаешь думать о всяких мелочах гораздо более ярко, чем о реально серьезных вещах. Например: как может измениться жизнь, если его сейчас догонят. В экстремальных ситуациях не только тело ищет спасения от опасностей, но и мозг пытается убежать от тревог.

Погоня продолжалась не дольше десяти минут, но Андрею она казалась вечностью. Взрыв эмоций взломал ход времени, и мгновения жизни молодого человека с острыми, как у дворового кота чертами лица шли не секунда за секундой, а дерево за деревом.

Криков погони и выстрелов то ли в воздух, то ли в него больше не слышно, но это совершенно не повод останавливаться или сбавлять ход. Поэтому, сжав свои по-юношески маленькие и неотесанные кулаки, преследуемый несся во весь опор утопающих в земле ног, попутно считая лицом ветки низко пригнувшихся деревьев, которые тоже боялись угодить под выстрел.

Кто преследует Андрея? Он и сам не знает. Да ему, в принципе, это безразлично. Также безразличны были

и трое его преследователей в балаклавах и черных с ног до головы костюмах, куда более приспособленных для ненавязчивой лесной погони, чем полустрогие одеяния Андрея. Погоня, однако, скоро стала им неинтересна, и по команде самого невысокого из неизвестных прекращена. Воздух гулко сотрясся от череды выстрелов, совершенных с целью передачи Андрею энергии на покорение самых глухих и далеких от трассы просек.

Спустя время, если хоть кто-нибудь осмелился спросить у Андрея, желал бы он изменить свое решение бежать, на любое другое, он бы без промедления согласился. Но жизнь такова, что не человек управляет случаем, а случай управляет человеком. Человек, лишь слепо руководствуясь инстинктом и эмоциями, выбирает один из множества путей рикошета от случая.

В тот день налетчики никого убивать не собирались. Без необходимости. Их мысли и желания были сконцентрированы не на вершении участи Андрея, а на невзрачной, черной спортивной сумке, которая неприметно лежала под пассажирским сиденьем его внедорожника, протаранившего кусты в кювете.

Первоначально в планах грабителей было: догнать, остановить и «вырубить» жертву. Возможно, потом еще связать для надежности. Такое вот преступное великодушие. Но Андрей этого не знал, и знать наверняка не мог. Поэтому, когда его авто стала подрезать лихая отечественная легковуш-

ка, а из её окон показались стволы пистолетов в мясистых руках, он предпочел дать резко вправо и вылететь с дороги, как можно ближе к лесу, дабы получить шанс на спасение своего драгоценного существования.

Перестраховался. Человеку это свойственно. Не зря же говорят, что у страха глаза велики. Правда кто-то предпочитает называть это явление – береженого бог бережет. Та же история, как с колбасой или сосисками по акции в каком-нибудь сетевом супермаркете. Производитель ставит срок истечения годности продукта с уверенным запасом, а маркетологи, боясь за свои теплые рабочие места, сбивают цену, когда этот самый срок приближается. В то время, как научившийся выживать покупатель знает, что крахмал и соя его любимых мясных деликатесов будет в форме еще на несколько дней дольше, чем указано на упаковке. А если потребитель холостяк, то и на целую неделю дольше. А может и на полторы.

Но это все лирика. Андрей не участвовал в вооруженных погонях так же часто, как ходил в магазин за колбасными изделиями. Он вообще первый раз в жизни оказался участником погони. Именно поэтому теперь бедняга уходил лесом. Весь потный и грязный, отхлестанный по лицу, с завалившимися во все места лишайником и мелкой шелухой коры. А бандиты в это же время почти вальяжно грузились в свою легковушку вместе с его спортивной сумкой.

– Легкие деньги! – пробасил самый крупный из налетчи-

КОВ.

Он довольно хлопал по сумке, в то время, как его «коллега» нетерпеливо выискивал собачку молнии её главного отсека.

– Не говори гоп, пока все не проверил! – отрезал он.

Через несколько секунд собачка была найдена, а сумка небрежно распахнута. Трое налетчиков с облегчением рассмеялись, и чуть ли не в один голос гаркнули: «Гоп!». К ним не присоединился только водитель. Он старался не отвлекаться от дороги, его часть операции еще не закончилась, и не закончится, пока все благополучно не доедут до пункта назначения. А потому человек за рулем позволил себе лишь слегка растечься в наглой ухмылке.

Машина уносилась прочь от места преступления, скрытая сумерками. Она подскакивала в решете дорожных колдобин и трещин, отчего пассажиров в салоне болтало, а спортивная сумка, лежащая в их ногах, глухо подпрыгивала и била оцинкованное днище своим содержимым. Глаза её новых владельцев горели огнем потерявшегося где-то за тучами и горизонтом солнца. Все, как один, неизвестные мечтательно изучали проносящуюся мимо ленту нескончаемого лесного массива. Каждый из них внутри себя чувствовал такую усталость, какую испытывает шахтер после работы в несколько смен подряд. Только, в отличие от шахтеров, вместе с усталостью их нервы щекотал невероятный душевный подъем. В невзрачной спортивной сумке, плотно нале-

гая друг на дружку пачками, лежали заботливо обналиченные оранжевые и зеленые купюры с изображениями Хабаровска и Ярославля общей суммой более, чем в двадцать пять миллионов рублей. Выходило по «пять с копейками» на брата, плюс столько же информатору.

Андрей задыхался. Он больше не мог бежать. Усталость становилась сильнее страха, и он все-таки остановился оглядеться и прислушаться. А если повезет, то и собраться с мыслями.

Лес молчал. Андрей припал на колени. Силясь укротить тяжелое дыхание, он вслушался в темноту.

Вокруг ни звука. Лишь редкие, крупные капли равнодушного дождя простреливали тишину. Вакуум пугал Андрея. Ему хотелось слышать чужие шаги и голоса, хотелось чувствовать того, кто загонял его словно дикого лесного зверя. Хотелось иметь ориентир на этих людей, чтобы знать, где они и насколько безопасно ему брать передышку. Но он не слышал ничего, кроме дождя, и это вызвало в нём отчаянную панику.

Неподалеку от себя беглец увидел огромную коряво сваленную сосну, и решил укрыться в безобразной хватке её вывороченных корней. В таком импровизированном убежище стало немного спокойней. Еще и дождь больше не мог доставать его.

Капли воды застревали на кончиках корневых волосков, а затем, медленно надуваясь, тяжело сваливались у подогнутых под себя ног Андрея. Играя острыми скулами, молодой человек все думал, думал, думал..

Сколько стоит моя жизнь? Двадцать пять миллионов? А сколько она весит? Нет-нет.. Сколько стоят эти чертовы двадцать пять миллионов? Мою ли жизнь? Или настоящую, счастливую жизнь тех, ради кого я пошел на все это? Счастливую и безопасную. Стабильную, свободную, правильную. Стоит ли моя жизнь этого? Да.. должна стоять!

Философская передышка подняла моральный дух Андрея. Он крепко сжал пальцы в кулаки и закрыл глаза. И тут же представил лица двух самых дорогих ему людей – жены и дочери.

– Аленушка! Пося! – вслух произнес он.

В воображении Андрея вспыхнули образы его любимых девочек. Они улыбались ему одинаково нежными улыбками, и проняли насквозь взглядом двух пар ярко-зеленых глаз.

Уже про себя Андрей снова повторил их имена. Он не обращался к своей супруге никакими словами вроде кисы или заи, всегда и везде он называл ее Аленушка, а оставаясь вдвоём – любимая. К своей же дочери – Полине, которой едва исполнился год, он испытывал такой трепет, что обращался к ней исключительно, как доченька, или же Пося. И спрятавшись под корнями свернутой сосны, он представил, что его мечты все равно сбываются. Что прямо в этот миг они

втроём счастливы, в полной безопасности, вместе. И Андрей снова и снова внутри себя повторял их имена.

Так бы он и пролежал в мечтаниях в своем лесном укрытии до самого рассвета, когда можно будет хоть немного оглядеться вокруг и понять, куда его занесли ноги. Но в кармане насквозь промокшей куртки просигналила короткая мелодия, и несколько раз вздрогнул телефон. Экран подсветкой выхватил замученное лицо Андрея, он прочитал смс, и засмеялся, забыв о всякой предосторожности.

«МЧС России сообщает: Штормовое предупреждение! В ближайшие часы и до конца суток ожидаются ливни с грозой и шквалистым усилением ветра. Покиньте опасные места!».

Угомонив смех, Андрей задумался о том, что же все-таки опасней: человек, с которым ни за что не договориться или природа, которая и вовсе не вступает ни с кем в разговор? И где безопаснее: в лесу во время шторма, или в обществе людей?

Так или иначе, уже почти одиннадцать ночи, и Андрею нужно найти место, где его телефон будет более-менее пристойно ловить сигнал. Он знал: дома ждут его звонка и очень волнуются. Но Алена не станет звонить, пока не изведет себя до последнего нерва. И пока не успокоит, и не уложит спать Посю. Позвонить первым, означает – сберечь нервы своей семьи, убедить, что все хорошо в любой час дня и ночи.

А сейчас индикатор сигнала предательски моргает то ми-

нимальным уровнем, то поиском сети. Выбора нет. Андрей одновременно в лесу и, возможно, среди диких людей, которые добра ему не желают. Он глубоко выдохнул и стал выбираться из своего укрытия.

С полчаса беглец опасливо пробирался в сторону мнимых просветов лесной ловушки. На часах почти половина двенадцатого, еще минута другая, и нервы его супруги не выдержат, она станет звонить сама, и ему придется врать и успокаивать её. А если он все-таки успеет набрать её первым, то придется только врать, а это пусть немного, да проще.

Сумерки окончательно сгустились. Это не пугало Андрея. Хотя в любой другой ситуации его сознание, наверняка, стало бы вырисовывать из загадочной черной пустоты все самые изощренные опасности леса. Но только не в этот раз. В его нынешнем положении вместе с ночью на плечи молодого человека спустилось неожиданное спокойствие. Ведь, если он не в силах выделить в таком мраке ни одного четкого силуэта леса, то, значит, и его никто не может заметить. Если не шуметь. Правда, ему приходилось каждые двадцать шагов останавливаться, ложиться на затопленную дождем землю и, прикрывая экран телефона всем телом, приглядываться – не появился ли сигнал.

– Есть! Есть! Есть сигнал! Наконец-то! – прошептал про себя Андрей, уткнувшись носом в мох и гнилые листья

у корней очередной трескучей сосны.

Дождь разыгрался совсем не на шутку, но беглецу на это наплевать. Капли ручьями стекали с треугольника его подбородка и тонкого ската носа, а он улыбался, будто только что сбил джек-пот у однорукого бандита.

– Але! Але! Аленушка! – начал разговор с любимой фразы Андрей. Он хотел, чтобы у неё даже и мысли не возникло, что может происходить что-то пугающее.

– Привет, Андрюша! – яснее ясного, Алена давно беспокоится, и уже собралась переживать, когда ее телефон зазвонил самой долгожданной мелодией. Поэтому в миг звонка она не знала, что чувствовать и говорить.

– Ну, как ты там? Как Посечка? Уже спит? – спросил Андрей.

– Только заснула! Долго не хотела укладываться, плакала! – тонким, певучим голосом ответила Алена, – А я в порядке, только вот что-то тоже о тебе переживаю! Не знаю почему! Столько времени, а тебя всё нет! – девушка взяла паузу, отвлекаясь на сон дочери, – Ты где? Все нормально? Завтра такой день. Я уже почти все собрала, а тебя еще нет! А вдруг я что-то забыла? Будешь потом без плавок у бассейна скакать! – Алена приободрилась, все-таки звонок мужа ее успокаивал.

Андрей обожал, когда девочки смеются, и ему еще больше захотелось в тот же миг оказаться рядом с Аленой и Полиной. Но он не мог этого сделать, и какое-то горькое отча-

нянье, от которого невыносимо трудно стало сдерживать спокойствие в голосе, охватило его.

– Я?.. Я на сервисе! Представляешь, машина сломалась и встала! Добрые люди дотянули до ремонта, теперь вот сижу, жду – чинят! – Андрей протяжно выдохнул в надежде, что ему удалось быть достаточно убедительным.

– И долго тебе еще там? – снова забеспокоилась Алена.

– Не знаю, самому хочется понимать хоть примерно, но не знаю. Вроде, ничего серьезного не сломалось, но механики все равно говорят – придется покопаться. У них тут из инструментов полтора ключа на два человека. Это же деревня!

– Ясно! Ну, ты все равно постарайся поскорее, милый! Только не торопись! Я тебя очень жду! Ты, кстати, там под дождь не попал? Не промок? У нас сегодня весь вечер тучи хмурились, моросило. А сейчас что-то вообще черным заволакивает, точно конец света собирается! А мне в конец света без тебя никак! – Алена засопела в трубку, словно пытаясь прижаться носом к мужниной шее.

– А мне без тебя! Ты – начало моего света! – Андрей чуть было не раскис в точности, как земля под его телом, но все же удержал себя в руках. – Под дождь? Нет, не попал! Я же в машине всю дорогу! – он вытащил свободную от телефона руку из большой мутной лужи, которую весь разговор, и сам того не замечая, на нервах бултыхал ладошкой.

– Ну, слава богу! Я рада!

– Я тоже. Слушай, Аленушка.. – Андрей замешкал на какое-то мгновение, – У меня телефон разряжается, а зарядить нигде. Представляешь, нет у них зарядок для моего! Это же деревня, тут у всех «яблоки». Давай, я его пока что поберегу. Наберу тебя, когда машину отремонтируют, и буду готов дальше ехать, хорошо?

– Да..? Да.. Тогда, до связи! Я тебя люблю!

– Я тебя тоже. Я обязательно успею!

– Я верю! И очень жду.

– Цел..

По линии трещинами пробежали короткие гудки, а затем тишина. Сигнал пропал, и отрезал молодых людей друг от друга.

– ..ую! Если ты меня слышишь.

Андрей перевернулся на спину, и нескончаемый поток дождевых капель, едва задерживаемый хвойными лапами елей, накинута ему на лицо и глаза. Неспешным в своей обреченности движением он убрал телефон во внутренний карман тяжелой, как бетонная плита, куртки и невидящим взглядом уставился вверх. Туда, где за вымокшими шевелюрами деревьев и непробиваемым слоем густо-серых облаков пряталось небо. А по небу едва отличимые в ярком сиянии звезд обязательно мигали проблесковые маяки самолетов. Железные птицы несли своих пассажиров в такие места, которые одним словом можно назвать – счастье. Видя над головой красочные силуэты самолетов, оставляющие за собой

ватные трассы конденсационных следов, каждый воображает, что те, кто летит в них – непременно летят к своей мечте. И, скорее всего, никто и думать не смеет о том, что все может быть совсем наоборот.

Андрей закрыл глаза, зажмурился веки так крепко, как мог. Пока он общался с супругой, то и думать забыл о всяком дискомфорте и своем незавидном положении. Но мучительные эмоции погони ни за что не оставили его насовсем. Сразу же после того, как сигнал безвременно разлучил его с супругой, передохнувший страх вернулся. Протекая по пульсирующим сосудам Андрея, он образовал новую взрывоопасную смесь. Страх смешался со стыдом. Стыдом, который принесла ему ложь любимому человеку. Андрей прекрасно понимал, что сделал все правильно, но, не смотря на это, не мог себя простить. Из-за страха казалось, что охота за ним еще не закончена, и вскоре его обязательно отыщут и убьют. И, возможно, пару минут назад у него был последний разговор с Аленой. И в этот последний разговор он ей врал, а когда с ним покончат – правда вскроется наружу, и девочки узнают о его лжи. Ложь станет их последним, а значит – самым главным воспоминанием о нем.

Бедняга зажмурился крепче прежнего.

После того как Андрей отключился, Алена какое-то время стояла у кроватки Полины и, совершенно не двигаясь,

и почти не дыша, любовалась своим сладко сопящим сокровищем. Затем она вышла из детской, оставив в дверном проеме маленькую щелочку. Идти в спальню, или в заваленную вещами и сумками гостиную она не желала. В эту ночь ей особенно не хотелось ложиться спать без мужа. Даже после звонка ее мучила необъяснимая тревога, и попытка спрятать свои переживания во сне казалась предательством.

Две бледно-желтых половинки бра, развешанные на стене по разным сторонам складного стола, освещали кухню уютным полумраком. У противоположной окну стены телевизор передавал новости.

Алена подошла к окну. Новости она не любила, но и оставаться один на один со своей тревогой не решалась. Прекрасно зная себя, девушка понимала, что просто не выдержит и перезвонит Андрею первой, несмотря на уговор, и тогда беспокоиться будут уже двое.

Отражаясь в оконном проеме мерцающе-синими тонами, картинка из телевизора передала лучезарную улыбку телеведущей новостей. Она безэмоционально рассказывала что-то про оптимистичное настоящее и, несомненно, светлое будущее. Ее слова подкрепляли прогнозами загипнотизированных камерой аналитиков, цитаты из проектов законов, какие-то графики и интервью с холеными членами правительства. Картинка переключилась, и в отражении на стекле, прямо в районе балкона последнего этажа дома напротив вспыхнуло бородатое лицо специального корреспондента.

та. Он пересказывал последние известия то ли из Ирана, то ли из Ирака, где примерно одновременно были обнаружены нефть и террористы. А в придачу к ним несправедливость и неспособность местных властей самостоятельно бороться с этой самой несправедливостью, и распоряжаться своими энергетическими ресурсами.

Алена все-таки не выдержала и выключила телевизор. Ей было плевать на целый мир разом, ведь весь ее мир дрожал от беспокойства всего-навсего за одного человека. Картинка с экрана больше не отражалась в окне. Мрачные силуэты громоздких деревьев во дворе скрипели и гнулись от усиливающегося ветра.

Как и обещало сообщение от МЧС, погода ощутимо ухудшилась. Ветер резкими порывами набросился на лес, толкая деревья ветками друг на друга, отчего те ломались и периодически падали, глухо колошматя о землю.

Пристыдив себя за разговор с Аленой, на Андрея нахлынули обрывки множества счастливых воспоминаний их жизни. Он представил, что лежит в теплой, уютной кровати, занавески спальни просвечивают белые ночи, а рядом с ним, сложив по-турецки свои загорелые с бархатной кожей ножки сидит Алена. У нее в руках гитара, с которой она ловко управляется тоненькими, изящными пальцами, наигрывая его любимые мелодии, и поет ему обо всем на свете. А сам

Андрей, не отрываясь, слушает и смотрит на нее. На то, какая она забавная, какая хрупкая на фоне гитары, какая невообразимо красивая и родная. И ему хочется, чтобы этот момент стал его днем сурка.

– Поднимайся! – сказал молодой человек сам себе, утирая лицо от дождя. Он перевернулся на живот и достал из куртки телефон, – Уже завтра.

Индикатор заряда показал сберегающий режим. Энергии действительно осталось не так уж и много. Андрей поймал себя на циничной мысли, что хотя бы в этом не наврал супруге.

Идти обратно к трассе было страшно, да и куда это – к трассе? И пусть Андрей пытался разумно убеждать себя, что преследователи больше не бегают по лесу в поисках его следов, все еще не мог поверить самому себе до конца. Так же, как и допустить мысли о том, что они просто взяли и уехали, а не стерегут его в засаде возле побитой машины.

Андрей обычный человек и, как и любой обычный человек, он всегда воображал ситуации и себя в них не так просто, как это было на самом деле. Ведь если бы все случившееся в тот день происходило не с ним, а с кем-то другим, или если бы, сидя дома, в удобном кресле, он смотрел остросюжетный фильм с точно такими же событиями, то непременно стал бы плевать в экран на глупость спасающегося, на его роковую трусость. Искривившись в идиотской усмешке, он бы недоумевал, как главный герой этого второсорт-

ного триллера не может сообразить, что все злодеи давно свалили по своим злодейским делам. И еще бы в очередной раз заметил – почти во всех более-менее близких к реальной жизни остросюжетных фильмах злодеи умнее и сообразительнее остальных персонажей. Напал, отнял, испарился – все. Никаких тебе лишних мыслей, сомнений или переживаний. А их униженные жертвы бегают по лесам, трясутся от страха, и им даже в голову вовремя прийти не может, что боятся больше некого. Никто не станет их убивать. Ведь незачем и было. Плохим дяденькам нужна была только сумка, и они ее забрали. Если бы им нужен был труп непутевого коммерсанта, его бы расстреляли еще на ходу, прямо в машине. И нет такого дурака, который станет несколько часов подряд сторожить подозрительную для любого проезжающего мимо иномарку, съехавшую в кювет, ради только того, чтобы дожидаться перепуганного, непредсказуемого в своем страхе предпринимателя, у которого итак уже все забрали. И только идиот не может въехать, что людям в масках нечего бояться за конфиденциальность своих личностей. Да и если бы кто их и узнал, или они и вовсе пошли на дело безо всякой конспирации – им все равно за это ничего не было. Простой предприниматель, добившийся своего собственным умом и руками, а не в стиле кровожадных девяностых, не станет ввязываться ни в какие кровавые вендетты (это все теперь сказки с канала ВТН и документальные фильмы; наследие новейшей истории), и уж тем более не пойдет

писать заявление в полицию. Заявление о краже незаконно обналиченных денег – пока еще диковинка даже для России. Украсть нелегально заработанное другими – самый быстрый и безопасный способ разбогатеть в нашей Федерации вот уже на протяжении тридцати лет. А то и больше. Так, что долго бы подобный фильм Андрей смотреть не стал. И на через чур сопливой и глупой сцене зачертыхал бы весь отечественный кинематограф, и переключил канал на новости. Вот где реальные истории о том, как люди убивают друг друга целыми толпами, а то и государствами за бюджеты и ресурсы третьих государств. А политики первых, провозглашая себя независимыми защитниками-освободителями обиженных и униженных, клеймят друг дружку последними словами. С пеной у рта они доказывают свою правоту, забрызгивая слюной камеры и диктофоны журналистов во время интервью и всякого рода пресс-конференций. Вот у них-то точно цена человеческой жизни эквивалентна определенной сумме денег. И курс стоимости жизни каждого человека равняется примерно курсу валюты его страны по отношению к доллару. Вот это триллер! Вот это интересно, вот это щекочет нервы!

От подобных мыслей и рассуждений в желудке Андрея всегда разыгрывался тошнотворный мятёж. Его подсознание начинало выделять шквал негативной энергии и ненависти ко всему мировому порядку. И эта энергия не находила выхода, откладываясь в нем нервозностью и раздражительно-

стью. Но у любой медали две стороны. Какой бы ни была энергия, она остается энергией. И именно ее негатив дал Андрею ежесекундной решительности доказать всем, что его риск и его деньги – были и есть не цена жизни, а цена счастья. Цена заслуженного, собственноручно заработанного счастья.

Прибиваемый каплями крупнокалиберного дождя, Андрей поднялся. Он оглянулся во все стороны, желая убедиться, что не помнит, не видит и не может сориентироваться, откуда прибежал и куда двигаться теперь.

На Западе люди уверенно пользуются ориентацией в направлениях сторон света, находя по ним необходимые точки назначения. В то время, как Андрей в лице представителя варварской части мира из достижений в спортивном ориентировании мог похвастать лишь тем, что способен, облизав указательный палец, узнать, откуда дует ветер. А еще по расположению мха на коре дерева определить, где север. Жаль только, что в тот день его палец, как и он сам был насквозь вымочен настырным дождем, а ветер заправским боксером бил со всех сторон одновременно. Да и мох на любом из бесконечного количества деревьев мог указывать хоть на север, хоть на юг, хоть на.. В общем, куда угодно, но не туда, где Андрей найдет укрытие и помощь. Единственным выходом для него было: бродить по округе в поиске худо-бедно приличного сигнала сети на телефоне. И отныне его больше всего остального страшило то, что сигнала его мобильный боль-

ше не поймает, или ради поимки ему придется лезть на самую верхушку самой ворчливой сосны и, пережив нападение бандитов, он погибнет в результате падения, когда в крошечной темноте сорвется вниз, поскользнувшись на мокрой, неустойчивой ветке-убийце. От таких фантазий у бедняги закружилась голова, а его тело трепетно передернуло.

Все, абсолютно все мысли материальны. Будь они прямые или же мысли-самообманы, в которых человек убеждает себя, что думает вовсе не то, о чем думает, а совсем наоборот – это неважно, они все равно материальны. Есть лишь один незначительный критерий, который отчего-то дает человеку наглость самонадеянно полагать о неверности вышеуказанного утверждения; этот критерий – время. Время материализации каждой отдельной мысли. Каждой из них, чтобы стать реальностью нужно свое количество мгновений или лет.

В общем и целом, Андрею по жизни везло. В том числе и в материализации мыслей. Забегая немного вперед: космос услышал его просьбы, и он, в конце концов, нашел и помощь, и сигнал. Но сперва наперво исполнилась его более скорая на одухотворение мысль..

Спустя сорок минут тщетных попыток поймать сигнал с земли, Андрей все-таки решился забраться на самую надежную на его непрофессиональный взгляд сосну. И, разумеется, набрав рекордную для своего неюного возраста высоту, он поскользнулся и сорвался вниз, в падении считая лбом душистые, хвойные ветки; и приземлился в ставшую

уже почти родной грязь. Без сознания.

За окном сверкнула гроза, Алена вздрогнула от неожиданности. В детской расплакалась Полина.

– Ну чего ты, милая?

Алена спешно зашуршала занавесками, пытаясь прикрыть пространство комнаты против яркого света грозовых вспышек. Но малышка все не унималась.

– Ты тоже из-за папочки переживаешь? – Алена взяла дочь на руки и стала укачивать.

В дебрях ее мыслей кружил вихрь эмоций, и он гнул и запутывал каждую из них в унисон тому, как гнул и запутывал макушки деревьев хищный ветер за окном.

– Ну-ну! Успокойся, душа моя! Успокойся, не плачь. Папа скоро придет. Он же нам обещал! А папа всегда держит свои обещания.. всегда!

Алена стала напевать дочери мотив какой-то колыбельной из тех, что ей самой перед сном напевала мама, В ее памяти всплывали дни их с Андреем знакомства.

С того времени прошло не многим более пяти лет. К моменту встречи они были достаточно взрослыми, наученными буднями людьми. Наученными, но пока еще не закаленными. И, может быть, еще не представляли цену жизненного пути, но прекрасно знали, что у всякого поступка, у всякого события, да просто у любого нового дня есть цена, которую

каждый платит за себя сам. И человеком остается лишь тот, кто насильно не лезет в чужой карман, чтобы оплатить счета за свои поступки.

Это был тот самый возраст, когда человек пока еще хочет, но уже не может полностью доверять ни себе, ни другим. Зажимая подмышкой полную папку счетов, свалившихся на него, как снежный ком на голову, почти сразу после того, как его всем миром отправили «в жизнь», и он стал самостоятельным, человек все еще стоит в длинную очередь за счастьем, о котором так много читал, засиживаясь до утра в родительской библиотеке. Но с каждым новым счетом все чаще и чаще поглядывает на соседнюю очередь, в ней люди сперва оплачивают пошлину за те услуги, которые принимают за счастье, а потом берут талон со своим порядковым номером в определенное окошко одной из множества касс, над каждой из которых непременно написано: клиент всегда прав! И чем больше человек стоит и смотрит на платную очередь, тем сильнее его опутывает соблазн плюнуть на все, забыть идеалы своей мечты и перебежать к соседям. Просто потому, что он видит, как та – платная очередь движется в то время, как его словно стоит на месте, укорачиваясь ровно на столько, сколько сдавшихся перебежало из его очереди в соседнюю. Почти никто не хочет тратить свою жизнь, простаивая годы и годы за настоящим счастьем, когда можно по тарифу оплатить пошлину за платное; быстрое, яркое, ароматное и под заказ красивое. Именно в этот момент че-

человек окончательно решает для себя, кем ему быть: настоящим или взрослым.

Тогда Алена с Андреем и встретились. Они буквально столкнулись лбами, когда девушка, скрипя сердцем, и чуть не падая в обморок от волнения, шагнула в сторону платной очереди, а Андрей на всех парах мчался из платной обратно в наивную.

– Ой-й, мамочки! – от резкого удара тяжелой стеклянной дверью, Алена не удержалась на ногах и упала на резиновый противоскользящий настил парадной лестницы.

Человек, из-за которого она ушиблась и к тому же испачкала костюм, даже не сразу заметил ее. Он выходил вполупоборот, выкрикивая по следам своего отступления какие-то радостные ругательства. А когда обернулся и увидел у своих ног в меру молодую, и не в меру симпатичную девушку, уставившуюся на него напугано-раздосадованным взглядом, то не сообразил, что вина за ее положение целиком и полностью лежит на нем.

– Девушка, Вам плохо? – озабоченно поинтересовался Андрей.

– Сейчас или вообще? – растерялась Алена.

– С вами что-то случилось? Почему вы на полу? Отчего Вы так низко пали? – Андрей заметил, что у них одинаковый цвет глаз, а его тонких ироний девушка отчего-то не понимает.

– Вы шутите, молодой человек? Я заходила, а Вы меня

дверью сшибли вообще-то!

Андрей немало удивился, но бодрости духа не растерял, а даже наоборот. Все, происходящее с ним в этот день, молодому человеку казалось счастливым проведением, подарком судьбы, которая награждает его за верный выбор и правильные поступки. Алена же с первого толчка дверью привиделась ему зеленоглазой вишенкой со спелыми раздосадованными губками на подарочном торте благоговения.

– Я? – не переставая улыбаться, Андрей по-ребячески приподнял брови, – В таком случае, я смиренно приношу Вам свои извинения и руку! – он протянул Алене обе ладони, предлагая подняться, – Не поверите, обычно в этих дверях сбивали и обижали только меня!

– Сбивали? – Алена ловко ухватила за Андрея и поднялась, глядя ему в глаза, – Это значит, больше не сбивают?

– Эмम्म.. Нет! Это, скорее, значит – больше не будут!

– Сначала Вы сбили меня с ног, а теперь сбиваете с мыслей! Откуда такая уверенность, вы прорицатель? – Алена не сводила глаз с Андрея.

Несмотря на очевидную абсурдность, столь беспредметный разговор давался им удивительно легко.

– Потому что я сюда больше не приду! – Андрей сделал паузу, оглядев Алену с ног до головы, – И Вам тоже не советую!

Девушка порядком оторопела перед таким неожиданным ответом, и только тогда заметила, что до сих пор держится

с молодым человеком за руки. Отпрянула от него, и уже чуть насторожено поинтересовалась:

– Вы это к чему? Как Вас понимать? Хотя.. Хотя, какая разница. Мне пора! Я опаздываю. Очень опаздываю. У меня собеседование, я пойду! Простите!

К крайнему удивлению девушки, Андрей ничуть не ступшевался перед ее ответом.

– Хм..! – по лицу молодого человека расплылась ухмылка, – Собеседование, говорите..! – его одолевал непонятный Алене азарт. Он просвечивал Андрея насквозь, как подростка просвечивает восторг первых открытий взрослого мира, о которых пока еще нельзя никому рассказать. Нельзя, но очень хочется.

И Андрей держался, решив еще немного насладиться интригой мгновения. Он влюблялся в это утро, как в самое лучшее в своей жизни.

– Подождите секунду! Еще раз простите меня за дверь! И за предупреждение это простите даже больше, чем за дверь! Алена..

Девушка подернулась всем своим тоненьким телом, а ее глаза округлились. «Может он и правда какой-нибудь там экстрасенс или.. вытащил у меня документы!» – перебирала про себя самые очевидные для женщины догадки Алена, – «Да нет, нет.. Никакой он не вор. Точно – экстрасенс!».

Запнувшись минимум по два раза в каждой из букв «К», пораженная девушка спросила:

– Отк-куда Вы знаете, к-ка-ак меня зовут?

А Андрею совсем ничего не хотелось отвечать, ему вдруг заблагорассудилось тихонько улыбаться и любоваться этой милой, смущенной девушкой. Но затягивать в своей прихоти было бы слишком эгоистично с его стороны.

– Меня зовут Андрей! – молодой человек несколько раз качнул Аленину руку за пальцы, хитро выглянув исподлобья.

Девушка смотрела просто вопросительно. Он продолжил:

– Эммм... Андрей Глебович! Не? – Алена впала в еще больший ступор, словно кто-то всесильный затормозил ход времени, и Андрею снова хотелось только смотреть на нее, но он пересилил свое желание, повторив по слогам:

– Ан-дрей Гле-бо-вич! Пятый этаж, пятьсот первый офис, десять ноль-ноль!

Если в хлорид железа три налить раствор роданида калия, в результате этой реакции образуется роданид железа три красного цвета. Краска не залила лицо Алёны настолько же густо красным, зато свой вид она приобрела намного быстрее, чем реагируют элементы в чашке Петри. Человеческие отношения – тоже химия.

– Андрей Г-глебович!?! – ломая звуки, проглотила Алёна. А сама захотела провалиться под землю и жалела, что перед ней стоит, возможно, будущий начальник, а никакой не экстрасенс. И что дверью он не пришиб её насмерть.

– Ну так что, Вы готовы к собеседованию?

– Нн-нее-т. Т- то ест-ть да!

– Прекрасно! – в голосе Андрея зазвучало доброе потворство, – Но только предупреждаю сразу: если в Ваших сильных качествах Вы укажете уверенность в себе, я Вам не поверю!

Алена до сих пор толком не понимала, как все так неудобно закрутилось. Но понемногу, сама не зная почему, успокаивалась, начиная улавливать нотки дружелюбной иронии в словах своего собеседника.

– Такого не будет, обещаю! Потому что мое второе сильное качество – честность!

На сей раз улыбнулись оба.

– Я, по правде сказать, совсем выпустил из головы про наше с Вами собеседование! Сумасшедшая неделька выдалась! Хорошо, что мы вот так удачно встретились! – по окончании его абсолютно квадратной фразы молодые люди, не сговариваясь, посмотрели на стеклянную панель входной двери, и Андрей виновато поморщился. – Знаете, я как раз бежал в кафе напротив. В любой непонятной ситуации жутко люблю поесть! И раз уж так много перед вами виноват, предлагаю провести наше собеседование именно там. Завтрак с меня!

Наступая на горло собственной робости, Алена согласно кивнула.

– Я очень люблю заходить сюда именно утром; здесь почти нет людей. Можно занять свой любимый столик в углу и смотреть, как просыпается и заводится жизнь. Это сильно заряжает. Снаружи суета, а внутри спокойно. Так спокойно, как хочется, чтобы было внутри у тебя самого. Повара неспешно готовят бизнес-ланчи к полудню, а я слушаю ленивые звуки гремящей кухонной утвари, пробую разобраться, какой именно суп пытается сбежать на плиту в эту самую минуту, и какое горячее так аппетитно шкворчит рядом с ним. Официант передает мой заказ на кухню и бармену. И тот перестает по пятому кругу натирать бесчисленное множество бестолковых бокалов, он начинает варить мне кофе. И я уже не чувствую никаких других запахов. Здесь, правда, делают отличный кофе, попробуйте обязательно! Иногда в зале тихонько вскрикивает медный колокольчик – значит, кто-то еще, проснувшись, решил начать свой день с чего-то спокойного и уютного. Мне нравится смотреть в утренние лица. Особенно те, с которых еще не успели осыпаться наваждения сна. В этих лицах, если постараться, можно разглядеть то, что снилось человеку, о чем он мечтает. В дневных лицах такого не разглядишь, в них вообще нет ничего, кроме суеты. А в вечерних почти всегда только лишь одна усталость, или даже разочарование. Все любят вечер, а я утро. Утро полно надежд, а вечер раздумий; нет в нем спокойствия. – Андрей закончил делиться своими рассуждениями и посмотрел на Алену.

Она сидела ровно напротив, зажав в руках пузатую кружку с чаем, и по выражению ее лица трудно было сказать – наскучил он ей, или наоборот девушка с готовностью ждет продолжения монолога; ее взгляд устремился внутрь себя, пускай зрачки и замерли где-то на уровне подбородка нового знакомого.

– Вы выдержаны и терпеливы – это уже Ваша третья очевидная характеристика на сегодня! – пытаюсь вывести собеседницу из состояния задумчивости, констатировал Андрей, – Знаете, пока я окончательно не ввел Вас в транс своими заунывными репликами, мы можем начать собеседование. Вы еще не передумали?

Глаза девушки сверкнули, давая зеленый свет.

Андрей начал со стандартных вопросов, он задавал их нехотя, один за другим, но как будто бы совершенно не прислушивался к ответам. Люди ведут себя так, когда все уже решено, но по этикету или чьим-то выдуманным правилам нужно продолжать кобениться – это называется необходимая формальность. Андрей и правда совершенно не слушал, что отвечает Алена об опыте, стаже, навыках и чем-то еще, но в то же время, неотрывно следил за ее реакцией и поведением.

Алена все прекрасно понимала, но те же самые внутренние формальности заставляли ее раз за разом чеканить ответы. Она видела, что ни один из них не повлиял на решение Андрея, ведь оно, видимо, было принято еще до нача-

ла собеседования. Только вот девушка никак не могла взять в толк, каким оно будет. И это неведение неприятно давило на нее. В какой-то момент Алена не выдержала, уже всерьез предположив, что кое-кто над ней просто издевается, и сказала:

– Андрей Глебович, мне, наверное, лучше пойти! – глаза девушки заблестели решительной безнадежностью, – Вы.. Вы, скажите. А то я. Я все равно не умею на одни и те же вопросы по-разному отвечать.

Андрей кротко улыбнулся.

– Не можете – это верно! Но мне нужно задать Вам еще один. Вы только не обижайтесь. И помните: я не заставляю Вас на него отвечать, как не заставлял идти на это собеседование. Но мне важно знать ответ именно на него!

Алена взволнованно поправила челку.

– А Вы умеете нагнать страху! – ее руки снова схватились за уже опустевшую пузатую кружку.

– Так Вы согласны?

– Ну.. да-а. – абсолютно неуверенно протянула Алена.

– Тогда скажите мне, зачем Вам эта работа? – теперь Андрей наострил на Алenu все свое внимание.

А девушка даже не поняла суть вопроса. Зачем Андрей тогда задавал ей все предыдущие, если теперь они снова танцуют от печки.

– Э-м-м-м..

– Нет-нет, простите, тут, правда, моя вина! Я, наверное,

неправильно выразился! – Андрей поднял глаза вверх, словно бы брал свои странные вопросы с потолка, – Сейчас.. э-э-э-э.. скорее так: отбросив все очевидные факторы «за» – деньги, социальный пакет и все такое, скажите мне, но только честно, – честность ведь Ваша сильная черта, Вы правда мечтаете об этой работе, и хотите получить свою должность?

– Я.. Я Вас не очень понимаю.. Точнее, понимаю, но из-за этого и не понимаю! Вы меня понимаете?

– Я Вас прекрасно понимаю! – Андрей вдруг отчего-то так развеселился. Сквозь сдержанный смех, таки продолжив, – Вы всегда мечтали об этом месте? Вы считаете своим призванием перекладывать бумажки из одной стопки в другую, и выполнять дурацкие поручения таких балбесов, как я? Думаете, что работать тут – счастье? Только честно! Пожалуйста.

Алена совершенно не ожидала такой постановки вопроса. И, как и любая нормальная девушка в подобной ситуации, немедленно растерялась. «Что ему от меня надо» – думала она, – «Не-еет! С таким самодуром и правда работа счастьем не покажется. А был таким милым. На первый взгляд..».

– Але! Але! Алена! Ау.. – Андрей щелкал пальцами, вытянув руку у миловидного лица девушки.

– Да-да! Я тут. Просто.. Вы понимаете, я не знаю, как правильно ответить! – Алена почти жалела, что не ушла сразу.

– Отвечайте, как есть. Можете также прямо, как я спросил.

Девушкой быть плохо. А через три минуты хорошо. А через пять снова плохо. Их настроение, как и характер, меняется скорее, чем власть в Малиновке². Не больше получаса назад Алена была сначала напугана, и почти сразу очарована Андреем, спустя три минуты заинтригована и тут же смущена. В кафе вперед всего он ее увлек, потом напугал, а теперь.. теперь бесит! Правда, так бесит, что уходить не хочется! Хочется принять вызов. А может даже и наговорить ему правды, сделать ближе к себе и понятнее. Ведь только с помощью правды люди могут стать ближе друг к другу.

– Нет! – пальнула она.

– Что – нет? – резкая реплика после затянувшегося молчания застала Андрея врасплох.

– Все – нет! – Алена загадочно округлила взгляд, – Не мечтала, не желала, не готовилась, не хотела. Ну, и все остальное – тоже нет.

Между молодыми людьми повисло молчание. Но назвать его неудобным было совершенно невозможно.

На кухне, во фритюрнице шипел и брызгался картофель. А бармен, громко бурля, допивал через трубочку остатки чьего-то сока.

– А о какой тогда Вы мечтаете? Только снова – честно.

– Честно?.. Честно, я бы хотела остаться на старой, но не могу.

² Малиновка – вымышленная деревня из советского кинофильма «Свадьба в Малиновке» (1967)

– Это еще почему? Уволили? Замену нашли?

– Совсем нет..

– А что тогда? – Андрея охватило неподдельное любопытство, – Расскажи..те.

– Это у нас все еще собеседование, или уже допрос с пристрастием? – Алена успокоилась, сама того не заметив.

– Это.. Это..! – глаза собеседников сверкнули одной искрой, – Как хотите!

– Я сама ушла! До того, как офисах устраиваться, я в медицинском училась. А потом педиатром в поликлинике работала. Это было счастьем. Лечить детей, я имею в виду. Только вот, знаете, я до сих пор так и не поняла, что в нашей поликлинике было меньше: зарплата или доверие к молодому врачу. Если бы поняла – ни за что бы не ушла. А так, я не знаю, жизнь или судьба сама за меня все решили. Как это у верующих принято говорить: «Человек предполагает, а Бог располагает!» – Алена рассказывала свою историю, ни капельки не жалуясь. Она скорее делилась жизненным опытом, откровенничала с Андреем примерно так же, как начал их собеседование он – с рассказа о том, как любит каждое утро и их неприметно-уютный кафетерий.

– Вы верите в судьбу, но не верите в бога? – поинтересовался Андрей.

– А вы?

– Я верю с себя.

– А я в случай.

– Знаете что, Алена, мне тоже нужно кое-что Вам сказать. Как это говорить у тех же верующих: «Как на духу».

– А Вы умеете закрутить интригу! – Алена улыбнулась и попросила бармена долить в чайник еще немного кипятка.

– Да-а, я вообще много чего умею, чего уметь совсем необязательно, а пользоваться и подавно! – Андрей одним глотком выпил третий подряд кофе, – Я вас только заранее прошу, не сердиться на меня.

Алёна подозрительно приподняла брови, Андрей в ответ попытался вложить в выражение своего взгляда все раскаяние и одновременно все добродушие, на которое только был способен. Но, судя по всему, ему это удалось лишь отчасти. Алена смотрела на него, как на блаженного, словно раскаяние он всецело изобразил одним глазом, а добродушие тарачил из второго.

– Кажется, мне лучше скорее продолжить мысль! Это по поводу работы и нашего собеседования.. – Андрей заметил, как мимика Алениного лица в который раз растерянно съехала в минор, – У Вас очень хорошее резюме, хоть и опыт работы, прямо сказать, невелик. Я, признаться, еще сегодня утром, пока мы не столкнулись в дверях, даже и думать забыл про собеседование. Нет.. – Андрей пытался наперед угадать возможные переживания девушки, чтобы предотвратить их, –..Неет, не потому, что мы уже кого-то взяли и вакансия закрыта, ничего подобного. Просто.. Просто Вы же нам еще в прошлый вторник резюме прислали. Полторы неде-

ли назад. Знаете, у человека иногда за полтора года ничего не происходит, а иногда и за полтора дня можно жизнь прожить. В общем, когда я назначал Вам дату собеседования, компании нужен был всего один новый сотрудник, а сам я был совсем другим человеком, не таким, каким Вы можете меня видеть сейчас. Но это было тогда. А теперь.. Теперь компании нужно два новых сотрудника, ведь я снова стал самим собой. Проводить Вам собеседование пока некому. Я уволился. Сегодня утром, можно сказать. Минут за пятнадцать до того, как Вы попытались разбить нашу прекрасную дверь!

Не зная, что чувствовать, что думать и что говорить, Алена осела.

– Я не специально! – подытожил Андрей, – Если хотите я сейчас же позвоню и про Вас не то, что не забудут, а лишь Вас и будут ждать, – чтобы доказать состоятельность своих обещаний, молодой человек демонстративно закрутил в руках телефон, – Но, только позвольте сначала сказать Вам еще кое-что. Что теперь мне важнее всего.

Алена настолько не понимала происходящего, что уже чисто машинально соглашалась на реплики Андрея.

– Не знаю, как начать, чтобы не напугать Вас.. – мешкал Андрей.

– А-х-х-х, да-а-а? То есть, до этого все шло как надо? Ну, Вы тогда мне чаю-то хоть подлейте, и продолжайте! Не берите обо мне в голову, и не бойтесь – выкладывайте! – наиг-

ранно подбадривающим голосом иронизировала Алена то ли над собой, то ли над собеседником, – С меня пример берите! У меня бесстрашие четвертым сильным качеством идет!

Андрей ухмыльнулся.

– Ну, хорошо! Раз тут все такие смелые.. – четвертый кофе исчез в гортани интригана, – Знаете, у меня сегодня самое замечательное начало дня, какое только можно себе пожелать. Все из-за того, что с самого утра я совершаю исключительно те поступки, которые делают меня счастливее. О-о-о-х! Видели бы Вы, как я шикарно уволился! – Андрей возвел глаза и руки к потолку. Он чуть не прихрюкивал от наслаждения, воспроизводя в памяти сцену своего ухода, – Жаль, нельзя вернуться еще раз и уволиться на бис! И вот я с чувством выполненного долга бегу по коридорам, доругиваюсь, с кем не доругался, предвосхищаю количество новых дел и забот, сколько радости впереди, ка-ак вдру-у-у-уг: Б-У-У-УМ!.. И так мне повезло остановить Вас за пару мгновений до необратимости! Знаете, как в детстве: всего один шаг – и ты не на безопасной кровати, а обеими ногами в лаве!?

Алена слушала, а Андрей прервавшись на секунду, обратил на себя внимание бармена, ловко изобразив тому пантомиму, связанную с головой, нехорошим самочувствием и скорой помощью. Румяный юноша в зеленой жилетке, – традиционной для работников подобных заведений – стал наливать в свеженатертые бокалы красное полусладкое.

– Итак, на чем я остановился? Ах-да.. Как спас Вас от ла-

вы! А сам в то же мгновение очаровался (Андрей выудил из памяти, что в анкете его собеседницы, в графе о семейном положении галочка стояла в незадуманном окошке). Очаровался, но, признаться, после того, как Вы чуть не обвинили меня в том, что я Вам собеседование срываю и всех других собак повесили, тут же подумал о Вас, как о хитрой автоподставщице! Из тех, что сами прыгают под колеса с целью дальнейшего шантажа непутевого водителя!.. Шутка!

Не моргая, Андрей уставился на Алену в надежде, что ее губы дрогнут хотя бы в микроскопической улыбке, но девушка выглядела непробиваемо. И так же непробиваемо ответила:

– Да-а-а.. Докатились.. Знаете что? Я первый раз в жизни встречаю мужчину, который избивает девушек дверьми, а потом еще пытается шутить над этим!

Наступил так долго назревающий момент неловкого молчания, в который Андрей успел поперхнуться, а Алена с азартной улыбкой изучила свой изящный маникюр:

– Один-один!

Рассмеявшись в голос, Андрей предложил Алене чокнуться только что поставленными на их стол бокалами вина, а затем откинулся на спинку стула с видом человека, который долго-долго бежал в туалет по самым важным и неотложным делам, и успел точно в срок. Алена чокнулась, но пить вино не стала. Часы не досчитали еще и до полудня.

– Алена, Вы, правда, меня почти сразу не на шутку окол-

довали. Такая непосредственная и милая. Я решил пообщаться с Вами и помочь, во что бы то ни стало!

– Ох! А Вы, оказывается, альтруист!

– Не то слово! Обязательно!

– Вот бы всем так везло на альтруистов, как мне с Вами.

– Не-ет! Та-ак, ка-ак Ва-ам повезло, больше никому повезти не может! – резюмировал Андрей, – Знаете, я вот пока внимал, о чем мы разговаривали; все эти вопросы, ответы; стремления, качества, навыки, ценности, цели; весь этот бред! Я в Вас себя увидел! Так, знаете, четко и ясно. Прямо в глазах читал, что Вы.. Что Вы не такая, как в резюме. Нет ну, конечно же, и такая тоже, но все же нет! – Андрей отхлебнул из бокала, – Я сейчас начну путаться и непонятно изъясняться. Это все от волнения. Короче! Я затем Вас и спросил про мечты, про счастье, и кем Вы в детстве мечтали стать; и я прямо в Вас узнал себя. Того, который несколько лет назад так же сидел на собеседовании в фирму, в которой почти любой молодой специалист хотел бы работать. Но сидел без самого главного чувства. Чувства того, что делаю по душе самому себе, что выбираю не только заработок, но занятие, которое будет съедать почти все мое время и мысли, а значит, делать их счастливыми, если я стану заниматься любимым делом, либо просто безнадежно полезными благодаря одной лишь только сумме заработка. И больше ничего. Меня тогда просто-напросто некому было остановить. И я лишь сегодня утром смог не в мыслях, но на деле начать возвращать себя!

И теперь хочу остановить Вас. Точнее – тебя. После того, как люди чокнулись, они имеют право перейти на «Ты». И я сейчас не про соударение наших бокалов! – Андрей отхлебнул свежий глоток, – Алена, ты если хочешь лечить детей, то лечи! Это намного дороже денег, это ведь твое счастье, ты сама так сказала. Его ни на какую зарплату не купишь. Послушай, я знаю, о чем говорю! А все остальное приложится. Просто не все сразу. Знаешь, что я сегодня заметил? Когда делаешь то, как чувствуешь правильным внутри, то жизнь обязательно идет тебе навстречу.. Иногда чуть не лбом в нужные двери толкает! – Две пары зеленых глаз пересеклись навстречу друг другу, – И это не шутка.

Снова было слышно, как повара на кухне борются с бизнес-ланчами, а сухошавый бармен длинными пальцами через шелковую тряпочку натирает бокалы.

– Я не знаю, что тебе ответить. Я снова тебя понимаю, но не понимаю, понимаешь?

– Понимаю.

– И что же тогда делать?

Хороший вопрос. Он прозвучал не как намек на то, что кто-то навязчиво лезет не в свои дела, а как совершенно осязаемая растерянность.

– Давай придумаем так! – Андрей взглянул на часы, – Я позвоню сегодня своим в фирму, объясню ситуацию, попрошу переназначить собеседование на понедельник. А значит, у тебя будет целых четыре дня, чтобы подумать о том, что

я тебе сказал, а главное – прислушаться к себе и принять правильное решение; и здесь только ты можешь понять себя. И помни: некоторые решения, которые мы думаем, что принимаем временно, оборачиваются для нас решениями на всю жизнь. А те, о которых мы мечтали, как о деле всей жизни – вообще не приходят. Тогда получается, что мы перестаем быть собой. Нет ничего хуже для души чем, когда ты изо дня в день не оправдываешь своих ожиданий! – Андрей поманил Алену наклониться поближе к себе, – В понедельник ровно во столько же, во сколько и сегодня тебя будут ждать сразу в двух разных местах разные люди: мои бывшие коллеги в офисе, и я прямо в этом самом кафе. Ты поняла меня?

– Да.

– Тогда договорились?

– Договорились.

– Я в тебя верю! – Андрей поцеловал Алену в щеку, пока та не успела прийти в себя.

В следующий понедельник без одной минуты десять утра колокольчик кафе залился нетерпеливым звоном. Сквозь распахнутые двери в зал влетел сладковатый запах духов и долгожданной встречи. Алена сделала шаг вперед и с ходу, буквально на автомате выбрала взглядом столик, за которым еще несколько дней назад они с Андреем договорились о возможной встрече. Столик пустовал. Алена обве-

ла глазами все помещение целиком, но кроме бармена все также тщательно и манерно натирающего свои ненаглядные бокалы, и сидящего на самом углу барной стойки пожилого мужчины с чашкой кофе и свежееотпечатанной газетой, на главной странице которой Алена смогла прочитать намазанное жирным шрифтом «РОССИЯ ВВОДИТ ВОЙСКА В И...» (остальную часть было невозможно разобрать, ее закрывали стопка бордовых салфеток и кусок медового торта), больше в кафе никого не было.

«Россия вводит свои войска в И... диотизм. И я туда же» – с досадой подумала девушка. Внутри все упало. Она так долго пытается приучать себя не обнадеживаться по чем зря, а верить только глазам, не мечтая об исполнении чужих обещаний. Но что толку от этих стараний, если ей снова обидно почти до слез, когда перед ее взором в насмешливых улыбках разъезжаются пустые диванчики вокруг не накрытых к завтраку столов.

Когда Алена, глубоко выдыхая, собралась уже развернуться и уйти прочь, забыв все, как страшный, вздорный сон, бармен неожиданно оторвал внимание от своего любимого занятия. Он повторно поздоровался с гостьей, открыв рот в мимике сдержанно-добрых слов, но не издав при этом ни единого звука. Как бы издеваясь, пригласил ее пройти все за тот же столик.

«Можно подумать, он здесь единственный!» – подумала

Алена, но смолчала. И главное, сама не зная почему, покорно прошла и села.

– Вам как обычно? – на этот раз бармен дал о себе знать вслух.

– Это Вы мне?

Молодой человек кивнул.

– Что – как обычно?

– Чай зеленый с жасмином, штрудель яблочный с шоколадным мороженым.

– А-а. Вы это имеете в виду? – Алена пребывала в прострации, поэтому лепетала себе под нос, пряча взгляд в бледно-бежевой, в крупную клетку скатерти стола, – Второй раз всего здесь и уже «как обычно». – девушка подвисала еще несколько мгновений перед тем, как поднять глаза и громко объявить бармену, – Нет, Вы знаете, не как обычно. Я же девушка, в конце концов, а не какая-нибудь там кто-нибудь! Мне зеленый чай.. с жасмином и.. штрудель яблочный. А мороженое к нему не шоколадное, а крем-брюлеовое!

Высокий юноша-бармен ни единым движением не выказал эмоций, касающихся ее весьма оригинального заказа. Он выбил чек, а пока тот, эпилептически подергиваясь, вылезал из кассового аппарата, заглянул за дверь разделяющую зал с кухней, и негромко, но четко произнес:

– Макс, штрудель! Яблоко, крем-брюле!

Откуда-то из глубины донесся ответ:

– Окей! Это к первому?

– Ога.

Бармен вернулся за стойку, и стал заваривать чай. Повсюду разлетелось умиротворяющее благовоние жасмина. Через занавешенное вертикальными жалюзи окно на сжатые, крохотные кулачки Алены упало несколько солнечных лучей. Солнца в городе девушка не видела несколько дней к ряду. Жасмина тоже. А тут все и сразу. Ну.. почти все. На душе стало заметно легче, она разжала свои изящные, тонкие пальцы, подставив ладони и лицо к свету: «Только штруделя не хватает. С шоколадом.. Тьфу! Да что, мало их что ли, этих штруделей с шоколадом? В каждом кафе!.. Но такой.. такой только в этом был!».

Алена закрыла глаза. Она слышала шелест газеты в руках мужчины у барной стойки, на страницах которой бурлили все скандалы мира, и бурление воды, заваривающей спокойствие трав зеленого чая и нежности жасмина в пузатом чайничке из обожженной коричневой глины. Бармен выставил заказ на стол. Уже совсем близко Алена уловила запахи трав, яблока, корицы и отчего-то кофе; слышала, как на деревянную подставку плюхнулся чайник, а вслед за этим дребезжание чайных ложек и чужое сосредоточенное дыхание. Внутри себя девушка совершенно прогнала злость и обиду, и только какая-то досада все еще тревожила ее. От этого чувства Алена пока не могла избавиться, оно словно бы стало частью ее самой.

Торопиться Алене было некуда и незачем. За последние

дни она твердо решила, что Андрей был полностью прав, и ни на какое собеседование ей идти не стоит. Поэтому, в ожидании окончательного смирения, она продолжала сидеть с закрытыми глазами.

Вот уже и бармен справился с сервировкой стола, и ленивыми, размашистыми шагами возвратился в свою обитель, возиться со стаканами. Вот уже послышался хруст сворачиваемой газеты и трепет колокольчика, провожающего пожилого любителя утренних новостей, а тревога, горький запах кофе, а главное, ощущение постороннего дыхания все еще крутятся совсем рядом.

Алена открыла глаза. В эту же секунду досада и тревога застрелились; от неожиданной легкости девушке свело половину тела, но она постаралась сохранить абсолютное внешнее спокойствие. Перед ней, как ни в чем не бывало, сидел и улыбался Андрей. Девушке захотелось выбить все зубы из этого ровного строя, спрятавшегося за нахальной, буквально беспардонной ухмылкой его лица; и тут же начать жалеть об этом и со всей нежностью просить прощения за свою несдержанность.

– Алена! – решительным голосом нарушил замешательство Андрей.

– Штрудель! Ой-й.. Андрей! – осеклась и тут же в смущении опустила глаза Алена, – Ты, пришел? А я уже думала ты..

– Что? Не приду? – молодой человек усмехнулся, – От судьбы не уйдешь!

Девушка не поднимала глаз. Из-за ее плеч темно-русыми волнами скатились и закрыли разругавшееся лицо длинные волосы. На тоненькой кисти руки неслышно отсчитывали время изящные кварцевые часы. Стрелки на циферблате показывали десять часов и пять минут утра.

«У человека иногда и за полтора года ничего не происходит, а иногда и за пять минут можно жизнь прожить!».

Нет, Андрей не опоздал ни на одну из этих пяти минут, более того, он пришел на несколько минут раньше, отлучившись на время в уборную. Перед встречей он нервничал почти так же сильно, как и Алена, мыл руки, чуть ли не двадцать раз перекладывал челку с одной стороны на другую, поправлял воротничок рубашки, ну и все остальное такое прочее – туалетное.

Порой мы столько историй можем себе понапридумывать, а на самом деле правда в девяносто девяти из ста случаев проста и банальна, а главное – безобидна и не зла.

Почему-то в своей голове мы мечтаем о прекрасном, а воображаем ужасное. Оттого и тревожимся, потому и не находим себе места. Надломанные люди-максималисты не воспринимают золотую середину. Она, вроде как, не подходит тем, кто, якобы, привык брать от жизни все и ставить на нее тоже все. Либо у тебя ничего нет, потому что ты рискнул, либо есть все и даже больше, чем необходимо по этой же причине. Жаль, большинство из людей давно позабыло, а кто-то и вовсе никогда не знал, что риск в жизни должен быть

совсем о другом, чем о том, за чем нынче идет повсеместная охота. Риск первооткрывательства давно уступил место риску захватничества.

3. Благодетель

– Мне очень приятно, что вы поддержали инициативу, и мы вместе сделали вот такую вот площадку для детей. Очень приятно, что это только начало, что таких площадок у нас уже более десяти по городу.. запланировано. Будем идти дальше! Действительно! Я вижу здесь много детей, и это очень радует! И мы должны делать все для того, чтобы они нормально развивались, нормально учились! Ну, и нормально отдыхали!

Первый закончил свою речь. Еще не старый, но уже решительно седой он улыбался, пряча верхнюю губу под серебряной щеточкой сталинских усов. Стильным костюмом он желал придать себе солидный вид, но галстук, насмехающейся стрелкой тыкающий в пупок его шарообразного живота, сводил все усердие седого на нет. Он говорил лениво, с наигранной охотой, как говорят даже не те, кто знает, что их все равно никто не слушает, а как говорят те, кому все равно слушают их или нет.

Он усмехнулся себе в ботинки, и передал микрофон почти точно такому же телу, но с заметно более молодой головой.

– Мы с вами открываем детскую площадку, которая и образовалась только благодаря вашей инициативе. Вот. Я хотел бы в свою очередь выразить вам слова признательности,

что эта инициатива есть! Это яркий пример того, что только вместе мы сможем сделать, что необходимо каждому жителю, каждому нашему ребеночку! И на это направлены как раз вот подобные минипроекты! Хочу напомнить, что мы в городском бюджете предусмотрели в этом году порядка трех – шести миллионов на реализацию подобных проектов, поэтому я жду от вас участия! Вместе с вами мы сможем благоустроить наш город!

Кроме относительно молодой внешности второго от первого отличали более солидные часы и чуть менее солидный живот. Когда он договорил, кадры сменились. Подобно футболистам перед матчем эти двое за руки вели на площадку растерянных детей, резали пеструю ленту. На всю округу играла детская музыка черно-белой давности, симулировали праздник. Вслед за первооткрывателями на площадку позвали остальных ребят, загнали поющую группку девочек постарше и ведущую. Планы съемки менялись все чаще – до конца репортажа меньше минуты, а радость детей и их родителей еще не раскрыта. Вот в кадре малышей запикивают на сиденья карусели, потом строем в костюмных брюках и юбочках ведут съезжать с горки, тут же, как птенцов на жердочку, сажают на качели. Ребяшня хлопает, серьезные резиденты благодарно кивают, прижимая ладони к груди. А родители стоят и ждут развязки, вспоминая, осталась ли дома картошка для обеда, или надо будет бежать в магазин.

Безликая журналистка представила канал, съемочную

группу, и попрощалась с телезрителями.

Молодой пузач оторвался от экрана на стене, и перевел взгляд на своего пожилого соучастника.

– Надо вот было тебе так за галстуком не уследить! Головой-то думать, или хотя бы вертеть не пробовал? – его голос наезжал катком. Но пожилому такое, очевидно, было привычно. Он и глазом не повел, а просто продолжил есть свой суп, – Ладно, давай еще накатим! – заключил молодой. А через секунду все-таки не удержался и срыгнул. – И еще эта журналистка – дура со своим оператором безруким! Все, что можно было перегадить – перегадили! Им ведь ясно объяснили, как и что должно быть! Даже дети поняли! Не пройду в северо-запад на следующие выборы, весь их каналчик разгоню! – оба мужчины прибывали на изрядном подпитии.

– Света! Светик! – снова подал голос более молодой.

– Да, Ростислав Олегович! – из соседнего зала на его позыв неслась молоденькая брюнетка в переднике официанта.

– О! Светочка! Прямо: встань передо мной, как лист перед травой! – Ростислав Олегович желчно засмеялся своей остроте, одновременно откровенно разглядывая официантку с ног до груди. Той захотелось закрыться, хоть и нечего было прикрывать. Ей всегда хотелось закрыться, и чтобы весь ресторан закрывали, когда сюда приходил ее постоянный гость, – Светочка, милая, а где наше горячее? Где закуска? – он обвел руками полный пустой посуды стол, звонко щелкнул пальцем по горлышку опорожненного графина. –

И где водка? Мы вам тут что?

Светочкины щеки трещали и сопротивлялись, но она все-таки пересилила себя улыбнуться:

– Горячее почти готово, сейчас все принесу!

– Давай-давай! – подбодрил пьяный депутат, вальяжно махнув, чтобы она первым делом освободила стол, на самом деле вознамерившись получше разглядеть ее сзади, и занюхать водочный дурман запахом сладких духов, – Торопи там своих поварят, а то сейчас дядя Ростислав придет на кухню сам, и мало не покажется никому!

Заулыбались все трое. Один от самодовольства, второй рефлекторно, а третья от ненависти.

– Сколько мы с тобой еще дел наделаем, если ты не будешь меня подводить, как сегодня! А этой Свете я бы..

Остаток вечера и половина ночи народных избранников прошли в ресторане.

Труднее похмельного утра может быть только рабочее похмельное утро. Выходя из самого важного кабинета во всем здании администрации города, Ростислав жалел о двух вещах. Во-первых, что не заставил себя раньше уехать домой. Хотя, как бы ему это удалось, если он совершенно не помнил, каким образом добрался до кровати. А во-вторых, что утром удосужился съесть всего две таблетки от головы, а не целую пачку. Во всем остальном его утро было

прекрасно. Сверху в который раз хвалили, а снизу слушались, как будто очень скоро он окажется еще выше. Такое положение дел Ростислава вдохновляло, как игромана вдохновляет новая раздача.

Ростислав только что покинул приемную главы города. Стандартная планерка. Большой стол, хозяин стола и полтора-два десятка пар рук, каждая из которых хочет быть правой. Планы, отчеты, оценки, задачи, цели – все это давно стало обыденным. Сто миллионов туда, несколько обратно, двести на это; проверить тех, урезонить этих, выслужиться перед третьими, уgomонить четвертых, решить вопросы с пятыми. Все везде за собой прибрать и украсить. Обычная рутина, определяющая судьбы двухсот с небольшим тысяч жителей околостоличного города.

Никак не мог привыкнуть Ростислав к другому: к запаху лака, кожи и благородного дерева в огромной приемной. К атмосфере тихого величия, к неистребимой размеренности, которая осаждала его каждый раз, когда он сюда попадал. Сами стены звали становиться больше, серьезнее, весомее. За спиной главы города висел всего один портрет – портрет президента. Чем ниже ранг политика, тем больше у него за спиной чужих портретов. Чем меньше над головой портретов, тем ты важнее. Вот что видел Ростислав главной целью и единственным успехом жизни – один за одним убирать портреты над своей головой. Ради такого он готов на все. Даже вставать в семь утра в убийственно похмельное

утро, и ехать туда, где его разовое отсутствие легко переживут.

Ростислав Олегович пока лишь глава одного из муниципальных округов, и больше всего в жизни он жаждет скорее перебраться в стены главной городской администрации. Или к соседям в город-миллионер – там на первых парах можно и на веточку пониже. А для этого необходимо много рисоваться, отчитываться и еще больше крутиться, а иногда даже работать, исполняя свои прямые обязанности.

Уходя восвояси, Ростислав напоследок облизал взглядом фасад так желанного им здания. Он посмотрел на часы, золотые стрелки указали на десять тридцать утра. В округе наверняка суматоха, горят дела, никто не справляется, снуют горожане, и все ждут его. Избранник поправил галстук, угольно-черные, сальные волосы, и сел в машину, скрипя зубами и кожей водительского кресла. Изучив приборную панель, он повторно удостоверился в верности показаний наручных часов – действительно, всего лишь пол одиннадцатого. Самое время опохмелиться, округ никуда не денется.

В тот же ресторан Ростислав соваться не решился – не минуло еще и семи часов с последнего визита, и бог знает, чем намедни закончились его посиделки. Так что, как человек благоразумный, он решил посетить какое-нибудь другое заведение, где ему пока не довелось примелькаться и стать своим.

Телефон надорвался от количества звонков, но все они

были ему слишком безразличны, пока он не выпьет воскрешающие сто грамм, и не заест их чем-нибудь жирным. Во всем должны быть порядок и последовательность, а тем более в работе. Как на нее настроишься, так день и проведешь.

Тем сложнее Ростиславу было пережить случайную встречу за тщательно спланированным бранчем.

– Добрый день, Ростислав Олегович! Добрый день, дорогой! – раздалось в правом ухе как раз, когда народный избранник силился выбрать между обычной и перцовой.

Над ним нависла атлетичная фигура с прикрепленной вверх ногами головой – абсолютно лысой сверху и невообразимо заросшей снизу, – комфортно укутанная в дорогие джинсы, бадлон и полуботинки.

– А-а-а! – затянул растревоженный Ростислав, – Кари Наирович! Доброе утро, вот так встреча! Какими судьбами? Водки больше не хотелось.

– Аллах нас свел, дорогой! Чувствую – Аллах! А еще, это ведь мой ресторан, забыл, да? – Кари засмеялся великаным тембром.

Ростиславу скрутило кишки. Он знал, в каком ключе их разговор пойдет дальше. Он в общем-то был не против поддержать его, но только не сейчас. Это как со смертью – ты вроде бы не против умереть, но только не сегодня. Сегодня – не самый удобный день для этого.

– Ты сам как чувствовал, куда едешь! – продолжил выпуск-

кать звуки откуда-то из бороды Кари, – Я присяду. Поговорим, пока тебе еду не принесли, ты ведь не против?

Ростислав согласно кивнул, как будто у него был другой выбор.

Бородач зацепил огромной лапой соседний с Ростиславом стул, и уселся в торце столика, аккуратно в проходе, взглядом прицелившись бедному депутату прямо в висок. Прежде, чем завести разговор о главном, он поинтересовался, успел его дорогой гость совершить заказ, или нет. Воодушевившись отрицательному ответу гориллоподобный человек подзвал официантку, и выбрал за Ростислава все сам.

– Пальцы покусаеть, я тебе говорю!

Ростислав бурно вообразил, что если бы ему правда сейчас хватило духу откусить себе хотя бы один из пальцев, то несомненно удалось перенести столь неожиданный разговор на следующую встречу.

– Как жена? Как дети, дорогой?

– Да нет у меня никого.

– Плохо, плохо! Такой здоровый, такой взрослый, дети тебе нужны! Кому дела передавать будешь? Сын тебе нужен! У меня вон трое. Скоро четвертый родится. Дочь! А ты.. ай-ай-ай! – Кари приземлил обе руки на стол с такой силой, что у них обоих вместе с Ростиславом дернулись ножи.

– Я думаю об этом, Кари Наирович.

– Вот и славно! Но мне все-таки не менее важно, озабочен ли ты кое-чем еще..

«Ну, вот. Приехали. Прелюдия закончилась. А в конце концов: раньше сядешь – раньше выйдешь!».

– Конечно, думаю! Но вы сами понимаете, вопрос не из простых, его с нахрапу не решишь! Вы же знаете, я привык все делать четко и последовательно, а не абы как.

– Знаю, знаю, брат! Поэтому с тобой так приятно иметь дело! Но я ни за что не приму, если ты скажешь, что до сих пор нет ни малейшей конкретики! Неужели до сих пор совсем ничего не ясно? – тон вопроса снова подразумевал только один вариант ответа.

Ближайшие двадцать минут между началом разговора и началом бранча Ростислав проклинал тех, кто нахально до-нимал его звонками, пока он был в пути, а теперь все как сквозь землю – ни одного спасительного вызова. С какой бы радостью он сейчас ответил почти на любой звонок, произнеся магическое: «Секундочку, очень важный разговор!». Но телефон предательски молчал.

Невыносимо трудно разжевать не разбирающемуся в бюрократических мелочах бизнесмену про реестры, кадастры, планы, межевание, назначение земли и всем из этого вытекающем. Когда Ростиславу не удалось донести обо всем прямо, по-взрослому, он пробовал зайти на пальцах. Но всякое его объяснение разбивалось о тупое невежество экстремально богатого человека со взрывным норовом, и его «я хочу», «у меня есть деньги», «я готов платить», «какие могут быть трудности», «кто нам мешает».

От кровожадной фразы «кто нам мешает?» Ростислав почувствовал несварение. Для Кари – сам он был заказчиком, точкой А, Ростислав – тем, кто может кое-что разрешить, точкой Б, он ведь глава района, на территории коего находится заброшка советского пионерлагеря, так возбуждающая его бизнес интересы. Точка А и точка Б должны запросто соединиться прямым, как железка из Петербурга в Москву, отрезком. Поэтому в понимании Кари, мешать им могли только враги. А церемонится с врагами – никогда не было в традициях настоящих нохчи.

– Сейчас трудно о чем-то говорить! Даже если мы решим все проблемы с бумагами по земле, сделку могут заморозить сверху! Насколько мне известно, на федеральном уровне обсуждали возможность строительства на этом месте какого-то реабилитационного центра для детей, или что-то в этом роде. Нужно ждать, Кари Наирович! Следить за ситуацией и ждать! Больше я не знаю, что добавить.

Кари тревожно задумался себе в бороду. Ростиславу снова захотелось водки. Слава богу в эту же минуту наконец-то принесли бранч. Кари сказался неголодным, он поднялся со своего места, до хруста сжал руку Ростислава и сказал:

– Кушай, брат. Набирайся сил. Они тебе пригодятся! А я пойду набираться терпения. Прощай, дорогой! – он сделал несколько широченных шагов к выходу, но резко, как будто вспомнив что-то важное, обернулся, – За счет можешь не платить, ты мой гость! И да – я верю, что у нас все полу-

чится! У тебя все получится. У нас всегда все получалось, выйдет и в этот раз! В долгу не останусь, Аллах свидетель.

Дверь хлопнула, огромный, в круг тонированный джип сорвался с парковки. Ростислав материл себя. Как можно было забыть, чье заведение он ненароком решил посетить? Надо скорее закругляться со жратвой и ехать на службу – перевалить негатив на кого-нибудь другого.

Востребованность среди других – вот, что было его способом поднять себе настроение с любой высоты. Люди нуждаются, зависят от тебя, а значит, ты властен над ними. В первую очередь властен, а не ответственен. Ответственен – каждый сам за себя.

Ростислав отложил мысли о делах с Кари в сторону. Кроме него, есть заботы и о других, которые также способствуют исполнению его личных планов. Во всяком конструкторе множество деталей, и собираются они не сразу.

Неспешно курсируя по улицам и улочкам вверенного ему района, Ростислав твердо решил в ближайшее время пересесть из легковушки на внедорожник. Словом – ужас – дороги не описать, но и жаловаться тоже некому. Экономия на укладке асфальта происходила непосредственно с его молчаливого согласия. Дорога – кормилица. Просто для каждого по-своему. Грех жаловаться, что она вся в заплатках и трещинах – внедорожникам и автобусам они не страшны, а среднего класса в стране не существует.

«Решено, к следующей зиме беру джип. Как у Кари, та-

кой же».

На самом подъезде к зданию окружной администрации в голову политику пришел призрак вчерашнего пьяного вождения к молоденькой официантке Светочке. Не симпатии, а именно желания. Последние месяцы, с тех пор, как он впервые ее заметил, она стала вырастать перед ним чем-то вроде памятника его редким слабостям, постоянным о них напоминанием, который приравнивал Ростислава ко всем другим, и убивал чувство собственной исключительности. Тут все просто: он понимал, что абсолютно безразличен молодой девушке. Он был безразличен абсолютно всем, кому не было от него что-то нужно, но относился к этому никак. А безразличие девчонки, которая легко могла бы быть его дочерью, буквально тыкало его лицом в эту данность от имени всех остальных. Подобное положение дел вызывало не грусть, но желание поквитаться. И сделать это возможно только одним способом. Круг замыкался. А ведь по-хорошему лишь сам Ростислав имеет право быть безразличным к тем от кого ему ничего не нужно.

Как бы подскочила самооценка студентки Светочки, представь она себе хоть на миг, в какую интригу угодила, ни секунды того не желая.

– Натали! Найди-ка мне Виталия Леонтьевича!

– Хорошо!

Между кабинетом Ростислава и закутком его секретарши функционировала внутренняя телефонная связь, но какой здравомыслящий человек откажет себе в удовольствии лиш- ний раз покричать?

Виталий Леонтьевич материализовался перед глазами Ро- стислава не более, чем через две минуты после объявления в розыск. Пожилой, потрепанный, с ленивым пузом – это он первым толкал речь на открытии новой, практически нано- технологичной детской площадки.

– Искал?

– А ты прятался?

– Как самочувствие?

– Лучше не спрашивай!

Рты у обоих растянулись в загадочной полуулыбке, а под глазами отчетливо свесились серо-зеленые мешки – следы праздной жизни.

– Сегодня сверху упала задача! Считай, городского мас- штаба! – прокряхтел Ростислав.

– Может за обедом расскажешь? – Виталий Леонтьевич предлагал, но не настаивал. Хоть он и был на много лет стар- ше своего собеседника, хоть между собой они и переходили на ты, он никогда не переступал ясную им обоим грань об- ходительности. А Ростислав в свою очередь никогда не сни- жал планку превосходства и некоторой надменности. Нелег- ко Виталию приходилось лишь тогда, когда его более важный соратник совсем забывал об уважении. Тогда седой мог да-

же покраснеть. Покраснеть, но ни в коем случае не взбунтоваться – каждый сверчок знай свой шесток. И Виталий свой знал, и даже мечтать не собирался о лучшем.

– Я недавно ел. Садись.

Пожилой покорился. Он грузно привалился на ближайший стул, и окинул своего хозяина собачьим, как у мопса, взглядом. За годы плотного сотрудничества политики образовали идеальный друг для друга симбиоз, хотя сами об этом не договаривались. Классический симбиоз – это соединение паразит-хозяин. Они же оба были паразитами. По крайней мере в самых честных мыслях о себе первый признавался, что он только передает распоряжения и придумывает планы, а всю черновую работу выполняет второй; второй же совершенно точно понимал, что безголовое усердие, не имея в руководстве столь грамотного стратега и выдумщика, как первый, в ином случае могло быть полезным разве только на каком-нибудь складе при вождении рохли между полок с чужими богатствами. К счастью, жизнь не терпит сослагательных наклонений. Поэтому союз, по сути, лени и глупости хитро гнул свою линию сначала на уровне двора, потом муниципалитета, района, а сейчас положил глаз на целый город, со стороны выдавая себя за союз ума и усердия.

– Новости смотришь? – бесхитростно поинтересовался Ростислав.

– Что-то случилось? Или ты все переживаешь про репортаж? – попытался сообразить Виталий.

– Вообще! – надул глазные яблоки начальник, – В курсе, что в мире твориться? В стране? Мы как бы тут политикой занимаемся!

– А-а-а, ты про это! – снова не понял Виталий. – Смотрю! А чего?

– Линию партии знаешь? За событиями следишь? Слушаешь, что из самого большого дома от нас хотят?

– Чего?

– Поддержки они хотят! Поддержки их политики! Потому что их – это и нашей тоже! Мы, как бы, все в одной лодке!

– А! Так я поддерживаю!

– Вот мудозвон! – не выдержал Ростислав, закатив глаза к лобным долям, – Лично твоя поддержка нахер никому не сдалась! Ты нужен, чтобы организовать эту самую поддержку со стороны населения! На местах! И мне тоже! Понял?

– А чего же тут не понять?! – поник Виталий.

– Вот и я не знаю – чего же тут не понять!? Так вот наша задача – придумать, как успокоить падение рейтингов доверия в нашей дыре! Чтобы люди стали одобрять ключевые решения и предприятия! – особо хитровыдуманные слова и выражения Ростислав цитировал по памяти, какими услышал их в городской администрации, – Это ясно? Метод не важен! Главное, чтобы люди кивали и одобряли, а лучше, чтобы активно и публично! Не получится убеждать – заманить, запутать, задобрить, подкупить – что угодно! – жирная кожа

на лбу политика пошла складками, он подозрительно взглянул на не захлопнутую дверь, и тут же сбавил голос, – У нас неделя, чуть больше, чтобы набросать план! Я этим займусь! И чем меньше меня будут отвлекать, тем лучше – это на-мек! Прием для всяких граждан в эти дни надо максимально ограничить. Это, считай, первая тебе задача, можешь не за-писывать! В выходные у нас по этому поводу неформальная встреча за городом. Мне нужно быть во все-о-ру-жи-и.

– Так есть уже какие-то мысли?

– Какие-то мысли есть всегда! – передразнил Ростислав, – Дети. Молодежь – внушаемый, а главное, долгосрочный вклад. Все не нужны, хотя бы пять процентов, один-два че-ловека с класса, но таких, как ты!

– Это еще каких?

– Энергичных, Виталь, энергичных..

На несколько мгновений в кабинете заклинила тишина. Ростислав откинулся на спинку кресла, а Виталий наоборот нагрузил оба своих подбородка на кисти рук.

– Все! Все все поняли! А теперь каждый приступает к сво-им новым заботам!

– А обед?

– Тут вы правы, Виталий Леонтьевич, война войной, а обед по расписанию.

Все оборачивается даже лучше, чем он смел надеяться.

Город обтекал мокрым снегом, гудел и трепыхался, а Ростислав, вдыхая за двоих неприспособленными для повышенной влажности легкими, скользил на вокзал. Ему хотелось скорее заселиться в купе, и отметить удачное завершение своего вояжа. Но, как это обычно бывает, когда торопишься, случайности сговариваются и вяжут тебя на каждом шагу.

На входе, перед железными рамками металлодетекторов с громоздкими отростками рентгеновских сканеров багажа тромбом столпилось месиво неприкаянных туристов из Китая с бесконечной уймой рюкзаков и дорожных сумок. Единственное, куда они торопились – сфотографировать и снять каждый миллиметр пространства вокруг себя, словно собираясь по возвращении на родину спроектировать 3D-модель, и построить из дерьма и пластмассы подробную копию всего города. Ростислав слепо поддерживал все инициативы «старших», но результаты его почти всегда бесили. Вот и теперь, обладая немалым ростом и весом, он, как злой Гулливер среди лилипутов, проталкивался к своей цели без очереди, нетолерантно матеря маленьких, рассеянных оккупантов.

Наконец-то в купе! Можно выдохнуть, снять отяжелевшее от влаги пальто, и отметить свой скромный успех. Ростислав еще на платформе разузнал у проводницы, что в его отсек выкуплен лишь один единственный билет. Настроение поднялось еще выше. По его нерушимому убеждению, если у тебя все получается, значит, ты живешь правильно. А тут и приятные мелочи на его стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.